

Р. Ти́менчик
Иерусалим (Израиль)

Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой

Предложенная ниже выборка (сорок седьмая по счету¹) извлечена из обширного проекта пространного комментария к «Записным книжкам» Ахматовой в форме поименных обстоятельных справок (часть его совпадает с предполагаемым экстенсивным комментарием к ахматовской эпистолярной). Это – путеводитель по именам реальных лиц, а также литературных и мифологических персонажей. Из-за стремления к фронтальному охвату материала такой проект можно было бы назвать своего рода вольной ахматовской энциклопедией. Однако об энциклопедичности приходится говорить весьма условно, чему есть несколько причин.

Во-первых, исходно комментируемый текст состоит из записей 1958–1966 годов, всего лишь последних девяти лет жизни, отражающих ономастикон злободневных забот и некоторого числа выборочных воспоминаний. Многие имена, ожидаемые в настоящей ахматовской энциклопедии, на страницы ее рабочих тетрадей не проникли. Сейчас не будем обсуждать вопросы первостепенной, пожалуй, важности для ахматовской текстологии – вопрос об ее амнезии и вопрос об ее аграфии. Такое обсуждение должно состояться именно после демонстрации полного развернутого комментария к ее рабочим тетрадям (которые, заметим, иногда служат как раз полигоном для упражнений в преодолении забывчивости и описью безвозвратно утраченных сочинений).

Во-вторых, в персональных писательских энциклопедиях представлены не только словник знакомых и родни писателя или перечень авторов, входивших в его индивидуальный пантеон и вообще в круг его чтения, но и аннотированные справки обо всех его сочинениях, основной литературе о нем, его адресах, отражениях в словесном и других искусствах и т. д.

В-третьих, в такого рода энциклопедиях принятая манера изло-

жения традиционно не предполагает детализированных экскурсов в малоизученные эпизоды биографии титульного персонажа, вообще делая акцент на реферировании уже прошедшей профессиональную апробацию фактографии. Мы же видим как одну из задач тотального комментария – обозначить направления, в которых могут пойти дальнейшие исследования взаимоотношений поэтессы с ее современниками.

В данном случае – при отсутствии полагавшейся бы предварительной системы отсчета в виде научной биографии нашего автора – мы заранее не можем регулировать иерархию значимости каждого факта и подобающую ему степень подробности пояснения. Предварительные, читательские и житейские представления о присущей Ахматовой шкале ценностей и приоритетов внимания опрокидываются при углубленном погружении в череду ее поденных записей, как свидетельствует исследовательница: «Так устроен ахматовский мир, что в нем нет важного и неважного, значительного и проходного: все исполнено тайного смысла, пусть даже скрытого, увидеть который помогает нам Ахматова; в этом мире все имеет непосредственное отношение к поэту...».²

И тем не менее подготовительную стадию к персональной энциклопедии наши заметки до значительной степени представляют.

Из разных вариантов построения комментария к документам повышенной сложности, вольной разносоставности и автокоммуникативной герметичности, к каковому типу относятся записные книжки Ахматовой, здесь предлагается интенсивный именной указатель, где названная интенсивность состоит во введении в словник не только начертанных рукой владелицы книжек имен, но и имен забытых или недовспомненных, извлекаемых из почтовых адресов, неполных библиографических позиций, из описок (см. ниже заметку «Браз О.») или ослышек (см. ниже заметку «Доулэнд Д.»), из имен нарицательных (см. ниже об «аввакумовцах»), из бесхозной цитаты, из местоимения, из сокращения, вплоть до «и др.».

В московско-туринском издании ахматовских рабочих тетрадей³ полная постраничная транскрипция вперемежку совмещала записи «творческие» и «бытовые». Порой эта смежность расписания визитов, записок для памяти, адресов и телефонов с набросками и планами стихов и прозы вводила в генезис ахматовского замысла.

Решение о публикации блокнотов «в подбор» нельзя было не приветствовать, хотя невозможно было не высказать сожаление о том, что издание обошлось без комментариев.⁴ Именной указатель их не мог заменить, ибо он фундируется комментарийными идентификациями. Опасения по поводу возможностей кривотолкования, предоставляемых неоткомментированным текстом, на протяжении прошедшей четверти века подтверждались все больше.⁵ Неверная конъектура имени могла впоследствии быть развернута в исследовательский нарратив, как, например, «Бр<одский> сказал, что Поэма (1-ая главка) напомнила ему “Гробовщика” Пушкина» (ЗК, 245) – вытекающие отсюда рассуждения вошли в специальную монографию,⁶ в то время как правильная конъектура: «Бр<ажнин> сказал, что Поэма (1-ая главка) напомнила ему “Гробовщика” Пушкина» – Илья Яковлевич Бражнин (Пейсин; 1898–1982) – прозаик, поэт, сосед Ахматовой по комаровской даче.

Счастливым решением печатать все блокноты подряд целиком (но, увы, без разметок записей по времени внесения) имеет и оборотную сторону – неизбежную читательскую контекстуализацию,⁷ установление семантической связи отдельной записи, которая порой есть просто «записи на первом попавшемся листке»,⁸ т. е. на первом попавшемся свободном месте в блокноте. Ошибочная презумпция связности графического массива может привести читателя к недоумению, например: «В последней больнице, в 1965 году, дописывая и дополняя свои воспоминания о М. Л. Лозинском, она почему-то, как будто даже не к месту, припоминает стихи, ничего общего не имеющие с предыдущим текстом».⁹

При составлении справки о каждом единожды появившемся на страницах блокнотов имени сам факт этого появления часто ставит перед комментатором вопрос – «почему здесь» или «что вдруг».

Возьмем, например, имя В. Д. Елагина (см. ниже). Можно высказать предположение о причине появления этого имени в связи с тоже скорее неожиданным названием журнала «Юный натуралист». По разысканиям архивиста Г. Г. Суперфина, помянутая в этой записи Людмила Михайловна Терехова служила в этом журнале с 1956 года по конец 1970-х заведующей отдела писем и массовой работы, а редактором одно время был В. Д. Елагин. Интерес к отделу писем журнала мог быть связан с заботой о юном знакомце Ахматовой, внуча-

том племяннике Х. В. Горенко (см. ниже) Анатолии Владимировиче Баннике (р. 1957), кому была надписана фотография: «Милому Толе, чтобы он вспомнил свою жизнь под соснами в Комарове» (ЗК, 164), и передан привет в телеграмме к Х. В. Горенко: «Поцелуйте от меня Толю» (ЗК, 423), и подарена 15 июля 1961 года книга Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: «Милому Толе на добрую память» (частное собрание).

См. записи о нем Н. Л. Готхарта от 24 июля 1963 года: «Кроме детского обаяния и смышленности, у Толи и художественные данные. Из пластилина он лепит различных животных – слонов, змей, птиц, львов (анималистский уклон не случаен: Толя любит животных, у него есть аквариум и он упоенно читает о животных книги). Поражает, как много и быстро он лепит. Если, например, возникает стадо слонов, то каждый слон по-своему необычен. Мне кажется, что А.А. привязалась к Толе. Она называет его “чудо-мальчик”.

– Толя, – смеется А. А., – мне говорит, как ему повезло! Я плохо слышу, а он не любит тихо говорить».¹⁰

С натуралистическими интересами Толи Банника был связан эпизод, изложенный мемуаристом: «Когда мужа Пуниной укусила оса, и он возмущенно и многословно обрушился на соседского мальчика, интересовавшегося насекомыми, за то, что тот “свил осам гнездо в жилом доме”, она невозмутимо возразила: “Им никто ничего не вил, они сами вьют, где хотят”».¹¹

Итак, по нашему предположению, с возможным обращением Толи Банника к экспертам по зоологии, рыбоводству и энтомологии связана эта запись, сделанная посетителем.

Кстати, списки посетителей, и даже телефонный реестр, являются индексами возможных раздражителей, в диалог с которыми вступают ахматовские записи. Справка о посетителе, о его возможной партии в этом диалоге может помочь в реконструкции вопросов к Ахматовой, ответами на которые становились ее заметки (так, насколько могу судить, заданный мною в июле 1965 года вопрос о Василии Комаровском вызвал сравнительно пространственный письменный рассказ об этом поэте). Ведь каждый ее собеседник привносил с собой свое облачко имен – как вспоминал А. Найман, например, о Л. Д. Большинцовой и М. С. Петровых: «На Короленко в разговоре между гостьей и хозяйкой был определенный уклон к упоминанию

имен Кеннеди, Мендес-Франса, сэра Исаяи Берлина, баронессы Будберг, “акулы капитализма” Гринберга... На Беговой – Суркова, Маршака, Гудзия, Фурцевой, убийцы из “Мосгаза” Ионисяна...». ¹² Семь имен из этого списка фигурируют в записных книжках, но одно, как оговорено выше, не занесено – одинокая запись «буря в мире» (ЗК, 405) относится к сообщенной заграничными радиостанциями реакции на убийство президента Д. Ф. Кеннеди. И в этой связи хочется напомнить, что вообще задача публикатора – отправляя тексты ушедших писателей в будущее, снабжать их семантическими припасами для их существования в последующих читательских аудиториях, помня, что «дух времени» есть субстанция улетающая, аллюзии и намеки падут в пустоту. Записи, сделанные в 1960-е годы, подразумевали дух этих времен, потому и надо будущим читателям помочь в восстановлении естественных для современника умолчаний.

Аввакум Петрович протопоп (1620/1621–1681/1682) – мученик за веру и писатель. «[П]уть [его<Данте>] тень с орлиным профилем указывает путь нашим юным поэтам (аввакумовцам)» (ЗК, 679) – см. объяснение прозвища и персональный состав (Д. Бобышев, И. Бродский, А. Найман, Е. Рейн): «Ахматова однажды назвала нас “аввакумовцами” – за нежелание идти ни на какие уступки ради возможности опубликовать стихи и получить признание Союза писателей. Напечататься мы в самом деле хотели, но, во-первых, не во что бы то ни стало, а во-вторых, кроме чуть не ежедневного чтения стихов друг другу, мы получали частые приглашения «почитать стихи» в чей-то дом, во Дворец культуры, в разнообразные лито (литературные объединения), на вечера поэзии» (Найман А. Указ. соч. С. 73).

Авдеенко Александр Александрович (1937–2011) – журналист, балетный критик, сын писателя Александра Остаповича Авдеенко (1908–1996), который обозначен вместо него в именном указателе цитируемого издания, откуда перекочевал в именной указатель собрания сочинений (См.: *Ахматова А.* Собр. соч. В 6 т. Т. 6. М., 2002. С. 601). Запись 13 марта 1962 года: «Переслали интервью, которое брал у меня Саша Авдеенко (А<гентство> [П<ечати> Н<овости>]). Не имею мужества перечитать, наверно, очень плохо, но разве в

этом дело» (ЗК, 151) – интервью агентству печати «Новости», учрежденному в феврале 1961 года, опубликовано в бюллетене «Вестник АПН. Культура и искусство» (1962. № 8. 28 февраля; «Мир поэзии. В гостях у Анны Ахматовой») (ЗК, 215, 238), в «Вечерней Москве» (1962. 2 марта) (ЗК, 215), в ряде периферийных газет и в некоторых странах народной демократии (ЗК, 224); воспроизведено частично: *Ахматова А.* Собр. соч. в 6 т. Т. 5. М., 2001. С. 269–271. Из не вошедших фрагментов:

«Я сидел у низкого круглого столика в одной из комнат Дома творчества ленинградских писателей “Комарово” и все не мог никак начать свое интервью с поэтессой Анной Ахматовой. Вопросы были, конечно, заранее записаны в блокноте, но, поверьте, трудно не испытывать чувство некоторой робости, разговаривая с таким тонким знатоком поэзии и литературы, музыки и живописи, архитектуры и истории.

– Ну, что же вы ждете? – улыбнулась Анна Андреевна. – Читайте, не стесняйтесь.

– Что читать? – спросил я, не совсем поняв смысла фразы.

– Разве вы не будете читать стихи? – удивилась поэтесса. – Я так привыкла, что молодые люди пишут стихи. Ко мне часто приходит молодежь со своими первыми опытами.

Я сказал о цели своего прихода и тут же задал вопрос, которым совсем не собирался открывать интервью.

– Кто вам нравится из молодых поэтов? <...>

Мне хотелось задать еще несколько вопросов, но я и так отнял у Анны Ахматовой довольно много времени. Пока я в прихожей надевал пальто, поэтесса с рукописью подошла к письменному столу. И уходя, я видел, как Анна Ахматова делала на ней какие-то пометки».

Об этом интервью Ахматова сказала: «[О]чень почтительное (“на коленях”）」 (*Будыко М. И.* Загадки истории: Сборник эссе. СПб., 1995. С. 364).

Текст был разослан по многим газетам, и в некоторых из них были воспроизведены фрагменты, опущенные в московском издании, например:

«– Вначале самым любимым искусством была архитектура. Последние двадцать лет я все больше и больше люблю музыку. Она мне очень нужна. Просто необходима. Моцарт, Бах – все это хлеб насущ-

ный. Люблю Стравинского – “Петрушку”, “Жар-птицу”... Шостаковича – ну он – чудо мира, – улыбнулась Ахматова. – Говорят, нельзя одновременно любить Стравинского и Шостаковича. Что ж, те, кто так говорят, пускай терпят. Огромный талант – Сергей Прокофьев. Между прочим, он писал когда-то музыку и на мои стихи...» (*Авдеевко А. Мир поэзии // Кокчетавская правда. 1962. 5 марта*).

Ср. воспоминания интервьюера, написанные, как видно, без перечитывания интервью: «В 62-м году, зимой, по протекции семейства Ардовых меня приняла в Комарове Анна Андреевна Ахматова. Я тогда работал в Агентстве печати Новости, отличавшемся своей либеральностью, поскольку материалы его были предназначены в первую очередь для зарубежных стран, на которые надо было произвести впечатление. Невероятно, но это было первое интервью Ахматовой за долгие годы. В пору неотмененных ждановских постановлений по литературе никто не рисковал обращаться к ней с вопросами. (Впрочем, и сам жанр интервью АПН тогда только входил в моду). <...> Сказать честно, знал я тогда поэзию Ахматовой мало, и потому вопросы мои не выходили за круг привычной журналистской традиционности. Но она отвечала очень серьезно, и даже потом, спустя годы, прочитал ее дневниковую запись, где она отметила факт нашей встречи и объясняла, почему “так темно” ответила на один вопрос – не хотела, чтобы ее план написать об Александре и о пушкинском окружении стал как-то известен “литературной общественности”, а та, по обыкновению, не начала бы чинить препятствия.

Тогда только что прошел по экранам фильм о знаменитом итальянском художнике Амедео Модильяни, которого сыграл кумир нашей юности Жерар Филип. В гослитовской же “лягушке” был напечатан набросок портрета Ахматовой, принадлежавший руке Модильяни.

– Анна Андреевна, – сказал я, – вы ведь были знакомы с Модильяни. Интересно, о чем вы с ним говорили?

– Саша, – ответила она своим чудным, грудным повелительным голосом. Я длю паузу, определяя этот голос, потому что пауза действительно была долгой после произнесения моего имени. – Саша, – ответила она, – ну о чем могут говорить молодые люди, которые сидят на ступеньках каменной лестницы, идет сильный дождь, а они под одним зонтом?

Так ответила мне Ахматова и засмеялась. Надо мной, над собой, над счастливым дождем юности» (*Авдеенко Ал.* Летний дождь на солнечном лугу // Первое сентября. 1994. 2 июля; неточность: в издании 1961 года не было рисунка Модильяни, он появился в сборнике «Бег времени» в 1965 году).

Об А. А. Авдеенко см., например: «Постоянно находившийся в среде людей успеха, Авдеенко никогда не тяготился ревниво ничьей известностью, считал себя (и вел себя) с любой знаменитостью на равных – и отношения со знаменитостью не составляли для него труда, осложненного завистью» (*Нилин А. П.* Станция Переделкино: поверх заборов: роман частной жизни. М., 2015. С. 408).

Азбелева (ур. Арцимович) Вера Викторовна (1856–1929) – начальница царскосельской Мариинской гимназии, впоследствии начальница Александровского института. В заметках к мемуарам Срезневской: «7) Эпизод с Верой Викторовной Азбелевой (Ю. Е. Нольде). 8) Характеристика женской гимназии. Учителя. Кл<ассные> дамы. (Бурса.) 9) Одной из... Шура <А. С. Сверчкова> – ее роль» (ЗК, 14). Ср.: «АА рассказывала о себе – о гимназии, о Викторе Азбелеве <sic!> (сыне начальницы гимназии)» (*Лукницкий П. Н.* Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. 1924–1925 гг. Париж, 1991. С. 174). Видимо, это тот же рассказ, который услышала Л. К. Чуковская в 1939 году: «В гимназии, в Царском, был со мной случай, который я запомнила на всю жизнь. Тамошняя начальница меня терпеть не могла – кажется, за то, что я однажды на катке интриговала ее сына. Если она заходила к нам в класс, я уж знала – мне будет выговор: не так сижу или платье не так застегнуто. Мне это было неприятно, а впрочем, я не думала об этом много, “мы ленивы и нелюбопытны“. И вот настало расставание: начальница покидала гимназию, ее куда-то переводили. Прощальный вечер, цветы, речи, слезы. И я была. Вечер кончился, и я уже бежала вниз по лестнице. Вдруг меня окликнули. Я поднялась, вижу – это начальница меня зовет. Я не сомневалась, что опять получу выговор. И вдруг она говорит:

– Прости меня, Горенко, я всегда была к тебе несправедлива» (*Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. 1938–1941. М., 1997. С. 37). Виктор Николаевич Азбелев (1881–1963) – бактериолог,

доктор медицины, профессор. Упомянутая рядом (и не отраженная в именном указателе) преподавательница французского языка в той же гимназии Юлия Евгеньевна Нольде предстает перед нами в записанном Е. М. Головчинером рассказе царскоселки 1909 года рождения П. Т. Ершовой: «Носила очень элегантное платье, плотно облегавшее ее красивую фигуру. Обязательно был высокий стоячий воротничок (как у Марии Стюарт) и жабо. На шее была брошь скарабея. Это названный жук, который в древнем Египте считался священным. <...> У Юлии Евгеньевны эта “скарабея” в золотой оправе была особенной. По преданию она была чуть ли не из египетских пирамид. Юлия Евгеньевна производила впечатление воспитательницы института благородных девиц, любила рассказывать, что танцевала с самим царем-освободителем (Александром II). По свидетельству Александры Семеновны <Волгиной.–Р. Т.>, она была содержательным и интересным человеком, много путешествовала, много видела» (Евгений Маркович Головчинер. Истоки Пушкинского краеведения / Сост. А. Г. Груздева, А. В. Косарева. СПб., 2005. С. 134–135). Жила она на Малой улице угол Леонтьевской в доме Костина, человека из местной торговой династии, упоминаемой Ахматовой: «Купцы (Малышевы, Баракovy, Костины, Митрофановы)» (ЗК, 134).

Акимова Софья Владимировна (1887–1972), певица, жена И. В. Ершова (ЗК, 746; см. о нем: Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 12. Симферополь, 2014. С. 131; «Кто жил в Царском», ЗК, 133, ср.: ЗК, 134).

Исполняла песни из «Четок» Артура Лурье (например, в петроградском Зале Хоровой академии 19 мая 1920 года. Участвовала в вечере поэзии Ахматовой и М. Кузмина в Белом Зале Дома Ученых (Миллионная, 27) 26 июля 1922 года (наряду с А. С. Лурье, Н. М. Стрельниковым и др. (Жизнь искусства. 1922. 25 июля). Ср. отзыв В. П. Белкина о ней: «13 июля [1922] был концерт в Доме искусств из произведений композитора Артура Сергеевича Лурье. Характер музыки изобличает в авторе импрессиониста. Очень понравились аудитории романсы и песни на античные темы в исполнении Акимовой». (Русский Берлин 1921–1923: По материалам архива Б. Н. Николаевского в Гуверовском архиве / Под ред. Л. Флейшмана, Р. Хьюза, О. Раевской-Хьюз. Paris, 1983. С. 273).

Андреев Николай Ефремович (1908–1982) – историк, литературный критик, профессор Кембриджского университета. В 1920–1930-е годы жил в Эстонии, в Праге. Упомянуты его доклады об Ахматовой (ЗК, 69, 116). Предположительный список иностранных адресатов отсылки «Бега времени» в октябре 1965 года. (ЗК, 96).

Эпизод из его биографии – заключение в советской тюрьме в 1946 году Ахматова рассказывала 16 августа 1963 года: «Не помню, в связи с чем, Анна Андреевна рассказывает о некоем профессоре-слависте Андрееве, который после революции оказался за границей и был по окончании войны задержан в Берлине советской комендатурой. Был 1945 год, май месяц. И была Пасха. В помещение к арестованным зашел солдат, карауливший их, и громко спросил: “Кто здесь православный?”

“Я”, – сказал профессор. Солдат подошел к нему: “Давай похристосуемся”» (*Готхарт Н.* Указ. соч. С. 279); ср. этот эпизод в его собственном изложении: *Андреев Н. Е.* То, что вспоминается. Т. 2. Таллинн, 1996. С. 256).

Как дошел этот рассказ (и сведения о его лекциях) до Ахматовой, остается гадать; отметим, что в мае 1963 года Ахматову посетил кембриджский аспирант-филолог Джон Элсворт (ЗК, 321), а в конце июня – молодой английский историк Антони Глен Кросс, выпускник Кембриджа 1960 года, который перед тем писал Ахматовой из Москвы: «Один из моих учителей в Кембридже доктор Андреев хотел, чтобы я Вам передал поклон и выразил его благодарность за посланный Ваш сборник стихов, который он получил от Вас» (РНБ, ф. 1073, № 1716, л. 1). Также нуждается в прояснении еще один факт, зафиксированный в его письме Игорю Чиннову от 24 апреля 1975 года: «...я всегда писал “по совести и по существу” (как сказала обо мне, вернее, о моих писаниях “сама” А. А. Ахматова!) и “не взирая на лица”...». (Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980-е годы. По материалам архива И. В. Чиннова / Сост. О. Ф. Кузнецова. М., 2003. С. 684).

В 1956 году он полемизировал с В. Ф. Марковым, писавшим с сожалением о победе акмеизма в текущей русской поэтической традиции и созданной этим «бездуховной атмосферой» (см.: *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // *Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural*

Contacts. In Honor of Vladimir Khazan. Ed. by Lazar Fleishman and Fedor Poljakov. Frankfurt am Main, 2018. P. 37–40): «Акмеизм <...> также кончился в России, как и прочие поэтические течения, основанные на свободном мироощущении авторов. Роковая – ибо была смертоносной – речь Жданова в 1946 году, в которой заушалась, в частности, Анна Ахматова, оказалась надгробной и над этим течением русской поэзии» (*Андреев Н.* Заметки о журналах. Новый журнал. Кн. 37–42 // Русская мысль. 1956. 24 января).

Анненская (ур. Сливицкая, в первом браке – Борщевская; затем – Хмара-Барщевская) Надежда (Дина) Валентиновна (1841–1917) – жена И. Ф. Анненского (см. о ней: *Анненский И. Ф.* Письма. В 2 т. Т. 1: 1879–1905 / Сост. и коммент. А. И. Червякова. СПб., 2007. С. 6–14). В перечислении ошибок Г. П. Струве в первом томе изданного им собрания сочинений Гумилева: «...считать женой Анненского жену его сына (Кривича) Наталию Владимировну, рожд<енную> фон Штейн» (ЗК, 363). По свидетельству покойной Л. Д. Большинцовой, Ахматова сказала ей, что прекращает читать монографию В. Сечкарева об Анненском (экземпляр которой ей и переподарила), прочтя с раздражением следующее место в начале книги:

«Маковский говорит, что семейная жизнь Анненского оставалась для него “загадкой”. Он описывает жену Анненского как “совсем странную фигуру”. Она казалась гораздо старше его: “набеленная, жуткая, призрачная, в парике с наклеенными бровями”. Он пишет про ее горбатый нос и “вялый опущенный рот” и упоминает нервный припадок, случившийся за столом в его присутствии: “Причужих она всегда молчала; Анненский никогда не говорил с ней. Какую роль она играла в его жизни? Почему именно ей суждено было сделаться матерью его сына Валентина?”.

Этот странный портрет представляется немного сомнительным: Маковский пытается в своей статье обратить внимание на тайную, всепоглощающую любовную историю, которая повлияла на жизнь Анненского и окрасила его поэзию. Это весьма неопределенное предположение, несмотря на цитаты, приводимые Маковским, не подтверждается, на мой взгляд, ни одним из стихотворений Анненского. Эта мнимая любовь – причина, по которой Маковскому хочется, чтобы Анненский был несчастлив в семейной жизни. Но сви-

детельств недостаточно, и описание Кривича было более точным») (*Setchkarev V. Studies in the Life and Work of Innokentij Annenskij. The Hague, 1963. P. 13*; цит. по: *Маковский С. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 235*; упоминается приводимый В. Кривичем отрывок из письма Анненского перед венчанием о силе его любви к невесте. (См.: *Литературная мысль. Альманах. Кн. 3. Л., 1925. С. 224–225*).

Ср. запись В. С. Срезневской на экземпляре книги И. Ф. Анненского «Тихие песни» (Пг., 1923): «Дину Валентиновну я помню уже седой, с очень набеленным тонким продолговатым лицом, накрашенными губами и в бледно-зеленом (“фисташковом”) весеннем костюме с белыми перчатками выше локтя. Руки у нее были очень худые, почти старческие, походка подпрыгивающая на каждом шаге, волосы гладко зачесаны под бледно-изумрудный с белым кружевом “ток”. <...> В руках лорнет и сумочка, шитая стеклярусом. От нее пахло не похожими на мамины духами (мама душилась *Violetta Regia*), более острыми и пряными, мне очень понравившимися. Говорила тихо, медленно, чуть-чуть в нос, голову часто держала грациозно набок. Вообще, несмотря на то, что тогда считалось “ужасно гримируется”, она очень мне понравилась. Была ласково-нежна со мной и сидела довольно долго с мамой вдвоем. Была еще раз вечером в синем шелковом платье и черной с полями плоской шляпке под черной “с мушками” вуалью, опять сидела с мамой, и вызывали меня. Я не хотела читать стихи, меня отпустили. Пила чай с мамой в гостиной, доставали чай и варенье. Звали к подъезду извозчика, и мама, проводив ее в прихожую, вернувшись, сказала <...>: “у нас одна судьба” – и вздохнула. Больше я Д. В. не видела <...>». (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, КП–966, инв. ОФ–706.). Ср. сводку других свидетельств о Д. В. Анненской: *Федоров А. Иннокентий Анненский. Личность и творчество. Л., 1984. С. 64–66*; ср. также о ней: «[Б]ыла почти враждебна музам и не понимала мужа, не обретшего еще настоящей славы» (*Оцуп Н. Николай Гумилев. Жизнь и творчество. СПб., 1995. С. 34*; свидетельство это, по-видимому, приведено со слов знакомой Н. Оцупу О. П. Хмара-Барщевской, жены пасынка И. Ф. Аненского, влюбленной в поэта).

Упомянутая книга историка русской литературы Всеволода Михайловича Сечкарева (1914–1998) внесена в автобиблиографию (ЗК,

628) из-за следующих упоминаний: «Развитие современной русской поэзии показывает со все возрастающей ясностью, что поэтом, чье творчество было наиболее влиятельным, был Иннокентий Анненский. <...> Под русской поэзией я понимаю “индивидуалистическую” поэзию вне России, а не довольно сомнительную “коллективистскую” продукцию советских поэтов. За весьма небольшими исключениями, – например, Анна Ахматова или Осип Мандельштам, которые определенно не являются советскими поэтами, стихи поэтов внутри России не могут по очевидным причинам измеряться и оцениваться обычным манером как продукты эстетического людского чувства. Но неподконтрольная поэзия наиболее одаренных из эмигрантов, таких как Георгий Иванов, Борис Поплавский, Анатолий Штейгер, Игорь Чиннов – если назвать только некоторых – многим обязана творчеству Анненского» (*Setchkarev V. Op. cit. P. 5*);

«Адамович упоминает присутствие Анны Ахматовой, которая позднее стала женой Гумилева. В то время девятнадцатилетняя девочка, она посещала курсы Раева, где преподавал Анненский. Влияние Анненского на ее поэзию огромно. Она, вероятно, была частым гостем в доме Анненского» (*Setchkarev V. Op. cit. P.41*). Речь идет о беллетристическом очерке Г. Адамовича «Вечер у Анненского» (Числа. Париж, 1931. Кн. 4. С. 214–216). В доме И. Ф. Анненского Анна Горенко, как и Г. А. Адамович, не бывала. Ср. запись Ю. Г. Оксмана от 27 июня 1965 года: «Разговор о книге Сечкарева об Иннокентии Анненском, которую А. А. прочла с исключительным вниманием». (*Зайцев А. Д. «Человек жизнерадостный и жизнедеятельный...»* (Набросок портрета Ю. Г. Оксмана по материалам его архива) // Встречи с прошлым. Вып. 7. М., 1990. С. 565).

Апухтин Алексей Николаевич (1840–1893) – поэт. В воспоминаниях о девическом чтении: «Апухтин и рядовые французские романы» (ЗК, 14); ср.: «Конечно, никто, вероятно, и не ждет, что у нас был тогда “абсолютный вкус”. До Надсона и Вербицкой мы, правда, не докатились, но весьма модного среди молодежи Апухтина почтивали <...> (Я имею в виду 900-е годы, в 10-х все уже было иначе)» (*Ахматова А. Десятые годы. М., 1989. С. 34*); о С. Я. Надсоне см. запись Д. Самойлова от 4 июня 1963 года: «Я родилась в 89 году и 90-е годы помню. Надсона я не читала» (*Самойлов Д. Из дневни-*

ка / Публ. Г. И. Медведевой // Литературное обозрение. 1990. № 11. С. 97); ср.: «[Д]о 21-летнего возраста не читала Надсона, и когда Н. Гумилев дал ей прочесть, АА прочла его в один день – и ничего не запомнила» (*Лукницкий П. Н. Asimiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. 1926–1927. М., 1997. С. 174*). Вероятно, помимо общепокленческого отталкивания от кумира эпохи поэтического безвременья, Ахматова парировала давние упреки, вроде северянинского стихотворения «Стихи Ахматовой считают...» (1918):

Ведь это ж Надсона повадка,
И не ему ль она близка?
Что за скрипучая «кроватька»!
Что за ползучая тоска!

(*Северянин И. Соловей: Поэзы. М.; Берлин, 1923. С. 131–132*) и рецензии Н. Оцуца на «Подорожник»:

«Ведь право даже

“И на груди ее дрожат
Цветы из моего букета”

лучше чем

“И на груди моей дрожат
Цветы небывшего свиданья.”

А первые две строчки принадлежат перу Надсона...»

(Альманах Цеха Поэтов. Кн. вторая. Пг, 1921. С. 68).

Ср. отзыв Б. М. Эйхенбаума о Надсоне: «Надсон – самый легкий из русских поэтов. Легкий в том смысле, что он говорит языком прозаическим, для всех доступным, не представляющий никаких – ни психологических, ни эстетических – загадок» (*Эйхенбаум Б. М. [Рец. на кн.] Ю. А. Веселовский. Этюды по русской и иностранной литературе // Русская мысль. 1913. № 10. С. 367. 4-я паг.*).

Об Апухтине ср. в отзыве Н. Гумилева о С. М. Соловьеве: «Как истинный земляной человек, он чувственен. <...> Но зато там, где надо проявить более серьезное отношение к любви, он едва ли не ученик Апухтина» (*Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 106*). Ср. также у представителя следующего поэтического поко-

ления о «вялости и расплывчатости стиля» и «ритмическом безличии» у Апухтина (*Адамович Г.* Литературные беседы // Звено. 1924. 1 декабря).

Отголосок стихов Апухтина можно видеть в ахматовских стихах 1911 года:

Словно тяжким огромным молотом
Раздробили слабую грудь

Ср. у Апухтина:

Твои слова, как тяжкий молот
Стучат по сердцу моему...

Арапова (ур. Ланская) Александра Петровна (1845–1919) – дочь Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской. «[Б]ыла выпущена пресловутая версия <...> о близких отношениях П<ушки>на с Алекс<андриной>, чтобы произвести впечатление на Н<аталью> Н<иколавну> (?!). Мы знаем, как враги Пушкина цеплялись за эту версию. Даже много лет спустя [А. В.] Трубецкой и Арапова делали попытку оперировать этой гнусной выдумкой» (ЗК, 414–415; – далее текст написан другой рукой); ср. ссылку на воспоминания А. П. Араповой (ЗК, 660).

«Сплетни <...> М. Г. Соломина говорила мне (в 1924), что встречала в свете Арапову, и та охотно говорила, что ее мать была счастливее во втором браке (с Ланским), чем в перв<ом>». (ЗК, 308).

См. о ней в петроградском голоде 1919 года: «...обратилась в вешалку, обтянутую кожей» (*Врангель М. Д.* Моя жизнь в коммунистическом раю // Архив русской революции. Т. 4. Берлин, 1922, С. 203).

Артамонов Михаил Илларионович (1898–1972) – археолог, директор Эрмитажа (1951–1964), учитель Л. Н. Гумилева. Инскрипт: «Михаилу Илларионовичу Артамонову в знак уважения и благодарности. А. Ахматова» (ЗК, 16). Письмо адресата с благодарностью (1958): РНБ, ф. 1073, № 719.

См. в письме Ахматовой к Сталину от 6 апреля 1939 года: «Мой сын даровитый историк. Акад. Струве и проф. Артамонов могут засвидетельствовать, что его научная работа, принятая к печати, заслу-

живаает внимания» (*Головникова О. В., Тархова Н. С.* «Иосиф Виссарионович! Спасите советского историка...»: (О неизвестном письме Анны Ахматовой Сталину) // *Отечественная история.* 2001. № 3. С. 149). В письме 1954 года к К. Е. Ворошилову в хлопотах за сына Ахматова в качестве возможного эксперта по его научной деятельности называла Артамонова (*Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998. С. 348), а в 1955 году тот по просьбе Ахматовой «написал вдумчивую и пространную характеристику Льва Николаевича, ходатайствовал о пересмотре его дела и оформил эту бумагу официально, беря на себя ответственность за каждое слово» (*Герштейн Э.* Мемуары и факты. Об освобождении Льва Гумилева // *Горизонт.* 1989. № 6. С. 61).

После освобождения из лагеря принял Л. Н. Гумилева на работу. Ср. «Работал я в Эрмитаже. Шефом у меня был мой учитель Михаил Илларионович Артамонов. Он меня зачислял на ставки беременных и больных. Академик Пиотровский, который его сменил, когда разобрался с этим, сказал мне: “Постарайтесь, чтобы они больше беременели, – и обеспечите себе фронт работ на будущее”» (*Гумилев Л.* Нам всем завещана Россия. М., 2012. С. 193).

Бабель Исаак Эммануилович (1894–1940) – писатель. «Опять об О. М<андельштаме> <...> Признавал Зоценку и Бабеля» (ЗК, 286); ср. в «Египетской марке» О. Мандельштама: «Так на полях черновики возникают арабески и живут своей самостоятельной, прелестной и коварной жизнью. <...> Вот Бабель: лисий подбородок и лапки очков»; ср. впрочем, сообщение С. Б. Рудакова 1935 года: «[В]зяли <...> “Гамбургский счет” <...> У Шкловского о Бабеле – Мандельштам почитал-почитал и говорит (еще раньше Мандельштам хвалил Бабеля, говорил: он из лучших) – “что Зозуля, что Бабель – одно и то же, только один получше, другой похуже, а оба не очень хороши – не по-русски(?)!”». (О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936) / Вступ. ст. Е. А. Тоддеса и А. Г. Меца, публ. и подгот. текста Л. Н. Ивановой и А. Г. Меца, коммент. А. Г. Меца, Е. А. Тоддеса, О. А. Лекманова // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год.* СПб., 1997. С. 58; Зозуля Ефим Давидович (1891–1941) – прозаик); в очерке Шкловского о Бабеле цитировалась среди прочего фраза из рассказа «Как это делалось в Одессе»: «...переночевать с русской женщиной, и русская женщина

останется вами довольна». Об этой цитате в биографии Ахматовой см. ее рассказ о визите в ресторан с Абрамом Эфросом в 1930 году и реплике случившегося там Виктора Шкловского: «Абрам может пригласить русскую женщину в ресторан, и она останется им довольна» (*Найман А.* Указ. соч. С. 206).

См. также: *Лоцилов И. Е., Фрейдин Ю. Л.* Бабель Исаак Эммануилович // *Мандельштамовская энциклопедия.* В 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 98–99.

Ср. также запись Ф. Г. Раневской об Ахматовой: «всегда просила меня читать ей “Закат”» (*Щеглов А.* Раневская. Фрагменты жизни. М., 1998. С. 202).

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) – поэт, эмигрант (ЗК, 278). «Бальмонт и Брюсов сами завершили ими же начатое (хотя еще долго смущали провинциальных графоманов)» (ЗК, 282); «Кажется, даже от Бальмонта М. Л. [Лозинский] не хотел отречься, что на мой взгляд уже чрезмерно» (ЗК, 704); ср.: «Бальмонта читала в юности, с тех пор не читала почти, потому что терпеть не может его» (*Лукницкий П. Н.* *Acumiana.* Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. С. 195); «Между прочим, как это ни странно, он и в самом деле поэт» (*Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. С. 96); «Брюсов не был поэтом, все его стихи плохи. У Бальмонта были отдельные хорошие стихи» (*Будыко М. И.* Указ. соч. С. 353); в воспоминаниях И. Берлина ее слова – «Что же касается Бальмонта, то его презирали совершенно напрасно. В нем, конечно, было много комической помпезности, и он был о себе преувеличенно высокого мнения, но его одаренность была несомненной» (*Берлин И.* Встречи с русскими писателями: 1945 и 1956 / Пер. с английского Д. Сегал, Е. Толстая-Сегал, О. Ронен в сотрудничестве с автором // *Slavica Hierosolymitana.* Vol. V–VI. Jerusalem, 1981. С. 630); отзыв о Вяч. Иванове – «потомки <...> недоумевают и говорят: “Плохой Бальмонт”» (ЗК, 616); по поводу статьи Е. С. Добина о «Поэме без героя»: «Заменить <...> “Я на башню всходил...”» (ЗК, 651) – ср.: «Ритмы, звучания, построения строки, строфика – все теснейшим образом связано со смысловой структурой. Музыкальность далека от напевности, так мне кажется. Под напевностью я понимаю некую избыточную власть ритма, увлекающего за собой слова, даже подчиняющего их себе. Мы встреча-

емся с этим у Бальмонта, Андрея Белого, Валерия Брюсова.

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

К. Бальмонт.

Ритм убаюкивает, в какой-то мере “растворяет” в себе слово. У слова отобрано старшинство. Оно стало меньшим братом ритма. <...> Подобной тяги к монотонным заклинаниям у Ахматовой никогда не было. Лаконизм, уплотненность стиха она ценила превыше всего» (*Добин Е.* Поэзия Анны Ахматовой. Л., 1968. С. 229–320).

В ноябре 1913 года Бальмонт и Ахматова увидели друг друга; ср. мемуаристики:

«– Приехал! Приехал! – ликовала Анна Ахматова – Я видела его, я ему читала свои стихи, и он сказал, что до сих пор признавал только двух поэтесс – Сафо и Мирру Лохвицкую. Теперь он узнал третью – меня, Ахматову» (*Тэффи.* Встречи. О Бальмонте // Новое русское слово. 1948. 5 сентября; Возрождение. 1955. № 47. С. 63). Ахматова была очевидицей скандала с Бальмонтом в «Бродячей собаке» (*Соболев А. Л.* Летейская библиотека. Т. II. Страннолюбский перебарщивает: Сконапель истоар. М., 2013. С. 217–240).

Об эпизоде 13 ноября 1913 года на вечеринке у Е. С. Кругликовой, где Бальмонт произнес запомнившуюся Ахматовой фразу: «Почему я, такой нежный, должен все это видеть?», см.: *Найман А.* Указ. соч. С. 92–93; *Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998. С. 499; *Винокуров Е.* Собр. соч. В 3 т. Т. 3. М., 1984. С. 250; *Тименчик Р.* Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. М., 2008. С. 617. По устному свидетельству З. Г. Минц, услышанная ею в 1964 году от Ахматовой версия этого рассказа завершалась фразой: «А он был просто добрый и несчастный человек».

В Париже в 1920-е годы он вспоминал: «– Я знал ее еще в Петербурге. Она была тогда прекрасной женщиной: тонкое лицо, полное одухотворенности, гибкое, змеиное тело, и вся она походила на египетскую плясунью» (*Седых А.* Бальмонт // Новый журнал. 1958. № 55. С. 159; *Седых А.* Далекое, близкое. Нью-Йорк, 1962. С. 74).

Вскоре после ноябрьского визита он резюмировал впечатления о столице: «Жизнь там – бледная, скучная. Кинематографическая!

Люди мечутся, бегут, и чувствуется, что эти люди большею частью бездушны. Нет в них настоящей, истинной жизни. Все содержание облеклось в форму. К тому же петербуржцы читают удивительно мало. Мечутся от концерта к лекции, от лекции к *jour-fixe*'у, от *jour-fixe*'а к кинематографу... и так без конца» (*Ал-ч Вл.* [Моисеенко В. А.?] У Бальмонта // Утро. Харьков. 1914. 27 марта).

Еще в 1917 году он говорил: «Ахматова – комнатна, Марина Цветаева – некрупна, Блок – истеричен. Значителен Брюсов» (*Мочалова О.* Голоса серебряного века. Поэт о поэтах / Сост., предисл. и коммент. А. Л. Евстигнеевой. М., 2004. С. 23), но уже спустя четыре года фиксировал: «Наряду с Анной Ахматовой, Марина Цветаева занимает в данное время первенствующее место среди русских поэтесс» (*Бальмонт К.* [Вступительная заметка к подборке стихов М. Цветаевой] // Современные записки. 1921. № 7. С. 92).

Впоследствии он писал об Ахматовой: «...хорошие стихи писала Зинаида Гиппиус, в них была прелесть геометрии и тригонометрии, с правильными линиями и чуть-чутьюшной женственностью: “Окно мое высоко над землею, высоко над землею... Хочу я того, чего нет на свете, чего нет на свете”. Жеманно, но в устах красивой девушки-женщины, с длинными русыми косами и с лицом Скандинавки, брошенной викингами, за ненадобностью, на неведомом берегу, несколько действовало. Гораздо сильнее и прекраснее, как женский поэтический лик, – Мирра Лохвицкая. Она вся – женственность и страсть. Ее влюбленность в знойную пустыню, с ее страстными чарованиями, заставляет вспомнить лучшие страницы любовной лирики Библии и Арабских народных песен. “– Я жажду губ твоих! –”. И вся она, с ее страстью к страсти, с ее Восточной ленивостью и чувственностью пленительной, думаю я, лучшая Русская поэтесса женской любви. Близки к народной песне напряженные строки Марины Цветаевой о любимом, кого никому не отдаст. После, Анна Ахматова немножко напоминает З. Гиппиус, немножко Мирру Лохвицкую. Это уже розыгрыш слов о женской любви в поэзии» (*Бальмонт К.* Песни женской любви // Сегодня (Рига). 1930. 28 июня).

Одно из противопоставлений их в критике см.: «Та реакция против символизма, которая отметила собой русскую поэзию второго десятилетия нашего века, найдя свое внешнее и не вполне адекватное выражение в т. н. акмеизме и свое наиболее заостренное воплоще-

ние в поэзии Анны Ахматовой (ту же реакцию, но совершенно особняком и в несколько ином направлении продолжал Ходасевич, поэт, сейчас всего более, быть может, влияющий на поэтическую молодежь), прошла мимо Бальмонта, не задев его. Эта реакция, выражаясь лапидарно, знаменовала возвращение к русскому классицизму и тем самым – возврат к простоте, к жизни – от словесных, образных и иных туманностей и возвышенностей символизма. Пожалуй, больше, чем в чем-либо другом, эта реакция сказалась в произведенной Ахматовой ломке поэтического синтаксиса, в приближении стихотворной речи к обыкновенной человеческой, в упрощении и уточнении слов как материала поэзии» (*Струве Г.* Бальмонт – певец России. К. Д. Бальмонт. В раздвинутой дали: Поэма о России. Белград, 1930 // Россия и славянство. Париж. 1930. 29 марта). См. также: *Тименчик Р.* Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы. М., 2014. Т. 2. С. 498–499.

Браз Осип (Иосиф) Эммануилович (1873–1936) – художник из объединения «Мир искусства», с 1928 года – в эмиграции (*Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я.* Художники русского зарубежья. 1917–1939: биографический словарь. СПб., 1999. С. 169–170).

«На премьере марионеток. Дом Браз. 1916» (ЗК, 661). Описка – вместо: Гауша Александра Федоровича (1873–1947), художника-«мирискусника», в двухсветном зале особняка которого (Английская наб., д. 74) проходили спектакли кукольного театра П. П. Сазонова и Ю. Л. Слонимской. На генеральной репетиции спектакля «Силы любви и волшебства» были В. Э. Мейерхольд, К. М. Миклашевский, А. Н. Бенуа, Н. С. Гумилев, А. А. Блок, С. А. Адрианов, К. К. Кузьмин-Караваев, Н. Н. Евреинов и др.

Осипу Бразу принадлежит набросок портрета Л. А. Недоброво (Самарский художественный музей; уголь, 76x57); из персонажей ахматовских записных книжек он был дружен с В. А. Юнгером.

В июне 1924 года он арестован по обвинению «в скупке картин и художественных ценностей, неофициальной экспертизе по закупке картин для вывоза их за границу и в передаче секретных сведений об экономическом и политическом положении СССР английскому представителю», приговорен к трехлетнему заключению в Соловецком лагере, в 1926 году досрочно освобожден, направлен в ссылку в Новгород, затем получил разрешение вернуться в Ленинград и воз-

обновил работу в Эрмитаже. В мае 1928 выехал в Германию к своей семье и вскоре переехал в Париж. Судьба его в 1924 с тревогой обсуждалась интеллигенцией (*Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 12. Письма 1918–1924 / Сост. А. В. Лаврова, коммент. А. В. Лаврова, Г. В. Петровой. М., 2013. С. 845, 850, 868, 869, 898, 899).

Ваншенкин Константин Яковлевич (1925–2012) – поэт. В библиографии – его статья «Чувство меры. Некоторые наблюдения» (Литературная Россия. 1964. 27 ноября): «Ваншенкин пишет о Лермонтове», Тютчеве и об Ахматовой “Сжала руки” (Разбирает это стихотворение...)» (ЗК, 502); ср.:

«А вот стихотворение Анны Ахматовой – одно из самых блистательных:

Сжала руки под темной вуалью...
“Отчего ты сегодня бледна?”
– Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: “Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру”.
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: “Не стой на ветру”.

Стихи написаны очень давно, они очень известны, люди знающие привыкли к ним, к такой их редакции. Я очень люблю это стихотворение и берусь утверждать, что оно начинается со второй строфы. Отсюда оно начинается – драматичное, напряженное, сперва стремительное, потом вдруг страшно остановившееся. В восьми строчках – все, во всяком случае, очень многое, жизнь двух людей, которых мы видим, знаем и понимаем, на которых мы смотрим сейчас, боясь пошевелиться, задержав дыхание. Здесь ни одного лишнего слова, и все – чувство, боль.

А первая строфа? Здесь нет этого, здесь поза, любовование собой и своей же бедой. “Терпкой печалью напоила его допьяна” – очень

красивые слова. Не веришь, что это та же самая женщина, бегущая за ним, пытающаяся еще удержать, вернуть что-то. И этот вопрос, тоже такой же, почти жеманный: “Отчего ты сегодня бледна?”. Первая строфа – как будто совсем из чего-то другого.

Можно, конечно, фантазировать, домысливать, сказать, что вот такая, не очень естественная, театрально выражающаяся женщина, какой она “показана” в первой строфе, при воспоминании о случившемся преобразается, а потом опять становится прежней и говорит красиво; что первая нужна для контраста и т. д. Мне кажется, это будут вымученные домыслы. А было бы лучше, если бы стихи эти начинались сразу, с крика, с вопля: “Как забуду?..”

“Терпкая печаль” – нечто красивое и непонятное, это дань тогдашней моде (1911), которую Ахматова преодолела силой своего огромного дарования, но которая нет-нет да и давала себя знать. Конечно, я далек от вульгарной мысли предлагать что-то “менять” в этих стихах, это можно было делать только раньше, сразу» (перепеч.: *Ваншенкин К.* Непонятливая Лика. О поэзии и поэтическом вкусе. М., 1966. С. 79–80; *Ваншенкин К.* Наброски к роману. М., 1973. С. 207–208).

Ср. письмо библиотекарши Э. Г. Шахнович из Мурманской области от 9 апреля 1965 года: «Я очень люблю стихи. Особенно поэтов XIX века: Фета, Майкова, Полонского, Апухтина, Тютчева. Недавно К. Ваншенкин разобрал Ваше стихотворение “Сжала руки под темной вуалью” в “Литературной России”. Мне очень понравилось» (РНБ, ф. 1073, № 1315, л. 1).

Ср. рассказ о сходной читательской интерпретации:

«Я хотел бы рассказать об одном эпизоде, остро врезавшемся мне в память и чуть не ставшем причиной нашей ссоры. Зашел разговор о пристрастие некоторых поэтов придумывать к своим уже написанным стихам эффектные концовки или вступления. И я осмелился заметить, что и у самой Анны Андреевны можно найти тому примеры. Быстрый и иронический взгляд в мою сторону: “Что вы имеете в виду?” Я смиренно покаялся, что, как мне кажется, в стихотворении, начинающемся всем известной строкой “Сжала руки под темной вуалью...”, первые четыре строки и служат примером такого квази-поэтического вступления, а самое стихотворение – господи, да еще какое стихотворение-то! – это восемь строк:

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.
Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

Такие знакомые, такие добрые обычно глаза смотрели на меня в упор с неприязнью и чуть ли не с отвращением. “Пойдите и прогуляйтесь по Большой Ордынке, подумайте и возвращайтесь не раньше чем через сорок минут”. А когда я вернулся, глаза были вновь веселые и добрые, а их хозяйка призналась, что написала их, эти первые четыре строки, чуть ли не полгода после того, как было написано стихотворение, начинающееся с вопроса: “Как забуду?..” (Глэкин Г. Из записок о встречах с Анной Ахматовой (А. Ахматова о литературе, живописи...) // День поэзии. Л., 1989. С. 250).

Ср. эпизод в его мемуарах: «Один наш стихотворец, человек тогда еще относительно молодой, с горячностью крикнул при мне своему собеседнику: – Да как вы смеете так со мной разговаривать! Я – пятый поэт России!.. На другой день я попросил его, остывшего, разъяснить, что сие означает. Он очень удивился моей неосведомленности и наивности. “Первый, – сказал он, – Пастернак, второй – Твардовский, третий – Смеляков, четвертый – Заболоцкий, пятый – я...” – А Ахматова? “Ахматова – шестая”, – ответил он не задумываясь, и, перекинув через плечо полотенце, прошествовал на пляж. Все они были тогда еще живы, но не подозревали, как он расположил их на своем плацу» (Ванишенкин К. Писательский клуб. М., 1998. С. 92; речь шла о Григории Михайловиче Поженяне (1922–2005)).

Вахтин Борис Борисович (1930–1981) – прозаик, синолог. Вписал свое имя в адресную книжку (ЗК, 324). Визиты его в Москве (ЗК, 415, 454), Комарове (ЗК, 532) и Ленинграде (ЗК, 588, 595). В списке адресатов дарения «Реквиема» в декабре 1962 – январе 1963 года (ЗК, 271) и в 1963 году (ЗК, 160), «Полночных стихов» (ЗК, 543),

«Бега времени» (ЗК, 574), «Модильяни» (ЗК, 456, 457). Передатчик слов Эрика Местертонна о Нобелевской премии (ЗК, 235).

Ср. в письме к нам его сына Н. Б. Вахтина от 21 апреля 1998 года: «Есть только мои полудетские воспоминания о его рассказах о том, как он ездил “представляться” к А.А. в Комарово, как она ему устроила, по его словам, целый экзамен и после нескольких часов разговора величественно велела “приезжать”, чем отец очень гордился. Он и меня маленького, году в 60-м, водил к ней в городскую квартиру, велел тихо сидеть в углу и смотреть – мол, потом поймешь почему». Ср. также в справке Н. Б. Вахтина: «Если его литературоведческие работы еще как-то выходили в свет (хотя и по сей день две его большие книги о китайской поэзии и поэтах лежат в рукописи), то с прозой дело обстояло совсем плохо. При жизни Б. Б. из всего написанного им были опубликованы три рассказа, очерк о В. Г. Короленко да очерк об Александре Грине, не считая нескольких мелких вещей в газетах. При этом среди ленинградской читающей публики его ходившая в самиздате проза была довольно широко известна». (*Вахтин Н.* [Предисловие к повести Б. Вахтина «Дубленка»] // Искусство Ленинграда. 1990. № 2. С. 93).

«В середине пятидесятых годов, в пору послесталинской эйфории, начало появляться то отдельно, а чаще в журналах, такое, о чем незадолго до этого мы и помыслить не могли. И все мы звонили друг другу: “Ты уже видел последний номер «Нового мира»?” “Ненастье” Тендрякова, “Не хлебом единым”, “Собственное мнение”... Мы захлеб читали, мы научились понимать между строк, мы в секунду реагировали на намеки. Это было удивительное время – и неплохая школа для нашего поколения. Борис Вахтин чуть ли не первый среди нас вспомнил о литературе. А где же слово? Где поразительная, божественная красота русской речи? Я не хочу сказать, что писатели, которых мы тогда читали, были равнодушны к слову. Это было бы несправедливо. Читатели были глухие. Как будто и не было в нашем сознании Пушкина, Гоголя, Лескова. Мы восхищались автором, который умел обойти цензуру. Я помню, как меня поразил вопрос Бориса Вахтина: “А что будет с этими книгами, когда не будет цензуры? А если не понадобятся намеки? А если все можно будет сказать?”» (*Ульман М.* Его личное дело (О прозе Бориса Вахтина)// Континент. 1982. № 33. С. 381–322); «Главной его мыслью, страстью, постоян-

ной головной болью – была Россия. О ней думал всегда, даже когда думал совсем не о ней. <...> И вся его проза – о ней, о России, и все его знакомства – о ней, и публицистика с китаистикой – тоже. Хотя диссидентом он не был. Это дело было ему не по натуре». (*Ким Ю. Сударь дорогой // Звезда. 1998. № 8. С. 105*).

Гашкель (Гершкович) Виктор Семенович (Gachkel; 1911–1982) – парижский врач-психиатр, первый жених Н. И. Стояровой. Запись «Гашкель Виктор Семенович» (ЗК, 302). См. о нем: Стойте в свободе... Памяти Н. И. Стояровой / Ред.-сост. М. Алхазова. М., 2018. С. 32, 221. Об отношениях Ахматовой с Натальей Ивановной Стояровой (1912–1984) см.: *Фрезинский Б. Об Илье Эренбурге. Книги. Люди. Страны. М., 2013. С. 560–565*.

Гибсон (Gibson) Уильям (1914–2008) – американский драматург. «Это было, когда голос, сообщающий по телефону который час, у нас назывался: “Последний собеседник Ахматовой”... (после 1949 г.). Сейчас (январь 1963 г.) нахожу в пьесе Гибсона такие слова: “...единственный женский голос, который я [могу] слышу в телефоне – это голос, сообщающий точное время, и я в конце концов могу спятить от одиночества” (стр.12)» (ЗК, 289).

См. в пьесе «Двое на качелях» («Two for the Seesaw»): «Джерри: Я позвонил потому, что единственный женский голос, который я слышу в телефоне, – это голос, сообщающий точное время, и я в конце концов могу спятить от одиночества. Я позвонил, чтобы, так сказать, завязать знакомство...

Гитель: О!..

Джерри: ...с каким-нибудь слабым существом слабого пола.

Гитель (помолчав): Я и есть слабое существо».

(*Гибсон У. Двое на качелях. Пер. с англ. Н. Трениной. М., 1962. С. 12*).

Премьера пьесы в театре «Современник» (в котором тогда служил Борис Ардов) состоялась в 1962 году (роли исполняли Татьяна Лаврова и Михаил Казаков). В Ленинграде у пьесы сложилась скандальная репутация: «С января 1962-го [Д. Т. Хренков] был назначен директором Ленинградского Академического театра им. Пушкина. <...> При отце репертуар театра попробовали обновить за счет по-

становки пьесы американского драматурга У. Гибсона “Двое на качелях”, рассказывавшей об одиночестве людей в большом городе. Однако партийные власти сочли ее не подходящей для советской действительности». (Михайлова Ю. Хренков Дмитрий Терентьевич (1918–2002). Воспоминания дочери // Нева. 2018. № 8. С. 181–182).

Дар (Рывкин-Дар) Давид Яковлевич (1910–1980) – писатель, муж В. Ф. Пановой и отчим Б. Б. Вахтина. В списке возможных адресатов дарения «Полночных стихов» в сентябре 1963 года (ЗК, 161). Ср. дарственную надпись на его книге «Богиня Дуня и другие невероятные истории» (М.; Л. 1961): «Анна Андреевна Ахматова! Примите, пожалуйста, эту маленькую книжечку в качестве одной из многих сотен свечек, зажженных перед алтарем Вашего божественного величия. Ваше Бытие для меня и людей моего поколения это – огонь в ночи; костер в стужу. Бог принимает обличье Поэта и сходит на землю, чтобы выволить людей из унижения и рабства. И за это его побивают камнями. Спасибо Вам за то, что Вы явили нам еще одно Пришествие и сделали нас участниками той единственной вечной трагической и прекрасной Мистерии, для которой вся история человечества лишь подмостки и холст декораций. Д. Дар. 8 февраля 1965 г. Комарово» (Пакшина Н., Позднякова Т. Библиотека Анны Ахматовой // Библиофилы России. Т. 1. М., 2004. С. 103); ср. также запись Л. К. Чуковской от 14 марта 1966 года: «Письмо от Дара: о том, что со смертью Ахматовой кончилась эпоха». (Чуковская Лидия. «После конца». Из «ахматовского» дневника / Публикация Е. Ц. Чуковской и Ж. О. Хавкиной // Знамя. 2003. №1. С. 156). Эмигрировал в Израиль в 1977 году. См. в его письмах эмигрантского периода: «[Г]лавное произведение художника, имеющее наибольшее нравственное значение для человечества – это легенда его собственной жизни. <...> Наиболее яркими примерами, иллюстрирующими мою идею, могут служить Ахматова, Сократ, Солженицын» (Кузьминский К. К. и Ковалев Г. Л. Антология новейшей русской поэзии у голубой лагуны. В 5 т. Newtonville, Mass. Т. 2а. 1983. С. 439); «Я имел “счастье” есть и пить за одним столом с восьмидесятилетним Робертом Фростом (он был у нас в гостях в Ленинграде). Он был смешон и жалок. Так иногда бывала смешна и жалка и А. А. Ахматова». (Там же. Т. 4б. 1983. С. 26).

См. о нем как об опекуне молодых писателей: «Дар читал вслух ходившую в списках Цветаеву, цитировал Гумилева, Ходасевича («Камень» О. Мандельштама из остатков семейной библиотеки я принес на занятие лито и подарил его Дару), он обращал наши взоры к здравствующей, но полуопальной Ахматовой, знакомил с Зошенко, драматургом Володиным, с «Лукоморьем» Леонида Мартынова, часами читал в упоении смешливо-аляповатые опыты стихотворцев «обэриутовцев», «Столбцы» Заболоцкого... Весело было, ярко – с Даром!» (*Горбовский Г.* Остывшие следы. Записки литератора. Л., 1991. С. 213); «На третьем этаже Д/К, рядом с прекрасно подобранной библиотекой, в старинном зале пишущие мальчики и девочки собирались по вечерам в литературное объединение к Дару. Давид Яковлевич, не торопясь, раскуривал трубку, с которой не расставался, весело перекидывался фразами и замечаниями с начинающими авторами. Дружеская обстановка царил в «лито». Литкружковцы с явной неприязнью относились ко всякой фальши, ко всяким попыткам неискренности поведения и творчества. <...> Давид Дар восседал библейским патриархом, окутанный клубами табачного дыма, слушал, наблюдал, оценивал» (*Юпп (Таранов) М.* Вспоминая «лито» // Новое русское слово. 1983. 14 апреля; «лито» – литературное объединение при Доме культуры (Д/К) «Трудовые резервы»).

См. о нем: *Stevanovic B., Wertsman V.* Free Voices in Russian Literature, 1950s–1980s. A Bio-Bibliographical Guide. Ed. by A. Sumerkin. NY, 1987. P. 87; История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-годы. СПб., 2000. С. 73–75; *Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. М., 2014. Т. 2. С. 272; Литературный Санкт-Петербург. XX век. Энциклопедический словарь. В 3 т. СПб., 2015. Т. 1. А-Д. Дар Д. Я. С. 686–687 (статья В. Лапенкова).

Доуленд (Дауленд; Dowland) Джон (1563–1626) – английский композитор и лютнист елизаветинской эпохи; записано как «Доллан»: «Слушаю раннюю англ<ийскую> музыку. Доллан, 16 век. Церковная музыка. Хор. То, что пели при дворе Ген<риха> VIII.

Настоящее чудо! 12 сент<ября> <19>63 г.» (ЗК, 531).

Доуленд был лютнистом при Якове I Стюарте Английском, а не при Генрихе VIII Тюдоре. Вероятно, так Ахматова поняла название

его сочинения для хора Вестминстерского аббатства «Lamentatio Henrici Noel» (похоронные псалмы для Мистера Генри Ноэлла).

Хотя по орфографическим свидетельствам его времени фамилия тогда произносилась /'doulənd/, в настоящее время рекомендуется говорить /'du:lənd/.

Дружинина (ур. Вульфийус) Наталья Львовна (1901–1973) – теще и режиссер художественного слова. Номер телефона (ЗК, 325), «Звонить: <...> Н. Л. Дружининой» (ЗК, 544). Оставила воспоминания «Три встречи с Анной Ахматовой». Первая – в Старках у Шервинских летом 1952 года. «Насколько я помню, она говорила, что установила: один случай из служебной жизни Дельвига использован Гоголем в его “Шинели”». Ее сын, альтист Федор Серафимович Дружинин играл тогда для Ахматовой “Чакону” Баха.

Об одной не вспомненной встрече рассказала бывшая участница кружка тещцов при Доме пионеров: «Когда в 1954 году в Москве гостила у друзей Анна Ахматова, Наталья Львовна пошла ее навестить и взяла с собой меня, Зину Игнаткову и Юру Дмитриева. Великая поэтесса, величавая, грузная, седая, в махровом восточного рисунка халате, сидела у окна в большом кресле. Мы читали ей Пушкина “Осень”, “Румяный критик мой...”, “Сказку о попе”. Потом пили чай. На прощанье она каждого из нас поцеловала в лоб. От волнения я больше ничего не запомнила». (*Бриль Л.* Наставникам, хранившим юность нашу... // Новое русское слово. 1987. 10 февраля).

Вторая, запомнившаяся мемуаристке встреча – у Шервинских в 1961 году, когда Н. Л. Дружинина рассказала об устроенном ею в Литературном музее вечере Цветаевой. «Анна Андреевна сказала: “А у меня есть два письма ее. Надо будет их вам отдать”».

Ставшая участницей дружининской студии при Литературном музее та же Людмила Бриль вспоминала: «В 1960 году, когда Марину Цветаеву в СССР еще не печатали, Наталья Львовна решила устроить ее вечер. Для него мы переписывали от руки гранки, их нам давала “на одну ночь” корректорша из издательства “Советский писатель”, где готовился к печати цветаевский сборник (он вышел в 1961 году); кое-что дала нам Анастасия Цветаева, с которой Наталья Львовна была дружна» (*Бриль Л.* Указ. соч.).

Третья встреча – в мае 1964 года в связи с подготовкой вече-

ра Ахматовой в Музее Маяковского. Ахматова сказала: «Я люблю, когда стихи читают ритмично, мелодично и без выражения. А где найдешь такую исполнительницу? Каждой хочется себя показать». Н. Л. Дружинина рекомендовала свою ученицу Галину Грибакину, с которой и пришла на квартиру Ардовых. После чтения Г. Грибакиной Ахматова сказала: «Вы читаете так, как бы я сама читала, вы точно угадываете мои интонации». Н. Л. Дружининой была подарена машинопись «Полночных стихов» с надписью «Милой Наталье Львовне Дружининой на память о вечере 30 мая 1964 года. Анна Ахматова» (См.: Дом Остроухова в Трубниках. Альманах. М., 1995. С. 331–336; в этих воспоминаниях приводится фрагмент «одного из последних стихотворений» Ахматовой, который не подтверждается материалами ахматовских архивов). По-видимому, в проекте очередного, не состоявшегося вечера в Литературном музее (октябрь 1964 года?) – «Галя – лирика» (ЗК, 471) – относится к Г. Грибакиной.

См. о вечере в Библиотеке-Музее В. В. Маяковского: *Ти́менчик Р.* Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы. М., 2014. Т. 1. С. 37–373.

Дубельт Леонтий Михайлович (1855–1894) – морской офицер. В царскосельских адресах Ахматовой: «Малая д. Сергеева. (Там сумасшедший Дубельт – внук Пушкина)» (ЗК, 661; ср. ЗК, 132) – ср. «У младшей дочери Пушкина – Наталии – был сын от брака с Дубельтом (сыном современника Пушкина, жандармского генерала), который потом сошел с ума (это наследственное у Гончаровых). Он жил рядом с А.А. в годы ее детства в Царском Селе и иногда приставал к ее матери (которая была еще молода и красива), обращаясь к ней по-французски» (*Будыко М. И.* Указ. соч. С. 378). Страдавший эпилепсией и приступами бешенства, внешне походивший на деда-поэта, Л. М. Дубельт был женат на княжне Агриппине Оболенской, «детей не имел» (см.: *Сидоров М. В.* Л. В. Дубельт и его родственники // *Из глубины времен.* 1994. № 3. С. 174).

Елагин Владимир Дмитриевич (1915–1964) – детский писатель. «Журнал “Юный натуралист” Тереховой; сослаться на Елагина Владимира Дмитриевича» (ЗК, 338; со слова «Тереховой» – запись другой рукой). См. воспоминания Е. Таратуты о 1930-х годах: «Редак-

тором “Дружных ребят” был очень смелый, мужественный человек Володя Елагин, которому, несмотря ни на что, удавалось печатать Платонова» (*Таратута Е.* Писатель нелегкого чтения // Москва. 1999. № 9. С. 194).

Дочь его художница Е. В. Елагина (р. 1949) вспоминала: «Все свое детство я была свидетелем горячих споров между моими родителями, в которых мама стояла на позициях либерально-оппозиционных, а папа отстаивал твердые советские убеждения» (Электронный ресурс. URL <https://zen.yandex.ru/media/artfragment/porozn-i-vmestegigor-makarevich-i-elena-elagina-5faa7d0989ace40d9aadded4>).

Лопатин Герман Александрович (1845–1918) – народоволец, в 1887 году приговоренный к смертной казни, замененной пожизненной каторгой, и освобожденный по амнистии из Шлиссельбургской крепости в 1905 году, после чего жил в Вильне, перебрался в 1913 году в Петербург. Запись воспоминания о весне 1914 года: «В дни выхода “Четок” нас пригласила к себе издательница “Северных записок” эсерка Чацкина. <...> ...мы оказались на банкете в честь только что выпущенных из Шлиссельбурга народовольцев. Я сидела с Л. Каннегисером против Германа Лопатина. Потом часто с ужасом вспоминала, как Л. Каннегисер сказал мне: “Если бы мне дали «Четки», я бы согласился провести столько времени в тюрьме, как наш визави”» (ЗК, 377).

О роли бывшего народовольца в биографии убийцы Урицкого см. воспоминания М. А. Алданова: «Он преклонялся перед личностью Г. А. Лопатина, и, думается мне, ставил его себе примером, – пример далеко не плохой. Герман Александрович, конечно, не принимал никакого участия в их заговорщическом кружке, он в тот последний год своей жизни уже был неспособен ни к какой работе, да и чувствовал бы он себя среди этих конспираторов приблизительно так, как себя чувствовал Ахилл, переодетый девочкой, среди дочерей царя Ликомеда. Но Лопатин, сохранивший до конца дней свой бурный темперамент, не стеснялся в выражениях, когда говорил о большевиках и о способах борьбы с ними. Помню это и по своим разговорам с покойным Германом Александровичем. Знаю еще следующее:

В тот самый день, когда мать Леонида Каннегисера была выпущена из тюрьмы, ей по телефону сообщили из больницы, что Герман

Лопатин умирает. Р. Л. Каннегисер немедленно отправилась в Петропавловскую больницу. Герман Александрович, бывший в полном сознании, сказал Р. Л., что счастлив увидеть ее перед смертью.

– Я думал, вы на меня сердитесь...

– За что?

– За гибель вашего сына.

– Чем же вы в ней виноваты?

Он промолчал – не сказал больше ничего. Лопатин скончался через несколько часов». (Из посмертных стихов Леонида Каннегисера / Статьи Г. Адамовича, М. А. Алданова, Георгия Иванова. Париж, 1928. С. 22–23).

О записях «Л. К.» в блокнотах Ахматовой см.: *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Venok. In Honor of Stefano Garzonio. Stanford, 2012. P. 328–332.

Внучка Г. Лопатина географ Елена Бруновна Лопатина-Барт (1912–1993) прислала Ахматовой 26 ноября 1963 года книгу о деде: «Автор очень тенденциозно говорит о бабушке. Зинаида Степановна действительно в чем-то очень ранила дедушку...» (РНБ, ф. 1073, № 880, л. 1). Врач-психиатр Зинаида Степановна Корали (1854–1919) рассталась с Г. А. Лопатиным в 1883 году, родив в 1877 году сына Бруно. Вероятно, книга, о которой шла речь: *Антонов В. Ф.* Герман Лопатин. Липецк, 1960. С. 88–89, 100, 109–110.

Поддубный Иван Максимович (1871–1949) – первый шестикратный чемпион мира по классической борьбе (1905–1909). О 1914 годе: «В вагоне, когда подъезжаешь к Москве, неизбежный “московский” разговор <...> о лошадях, бегах, скачках, и, конечно, о Поддубном» (ЗК, 670); ср.: «был ли уже Поддубный?» (ЗК, 742); ср.: «Наш герой, чемпион мира Иван Поддубный тоже приезжал на мызу Лентула. За обедом, съев три бифштекса, он решил пофилософствовать: – В России, – сказал он, – есть три знаменитости: я, Горький и Вяльцева.

Горький отозвался с полной серьезностью: – Я положительно смущен: гости начинают лстить хозяйину». (*Анненков Ю.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Нью-Йорк, 1966. Т. 1. С. 31).

Скороденко Владимир Андреевич (1937–2021) – литературовед, переводчик, редактор.

Запись октября 1965 года (?): «<В> пятницу Володя приведет Х. – для статьи в словаре» (ЗК, 682), «+Володя М<уравьев> и его друг (в пятницу) 5 ноября» (ЗК, 683).

Выпускник филфака МГУ, аспирант по английской литературе. В ноябре 1962 года передал Ахматовой письмо о любви к ее поздней поэзии (в фонде Ахматовой в РНБ не сохранилось) и сборник ее стихов для надписи. Был приглашен на квартиру Н. Н. Глен, видел машинопись «Реквиема». Он показал Ахматовой переплетенную машинопись ее стихов, собранных им по публикациям в периодике. Второй раз был вместе с В. С. Муравьевым у Ардовых, неловко спросил про события 1946 года, – и визит прервался (Аудиозапись беседы О. Е. Рубинчик с В. А. Скороденко, 17 апреля 2002 года. Сообщено О. Е. Рубинчик).

Цветковская Елена Константиновна (1880–1943) – третья жена Бальмонта. Воспоминание о рассказе Марины Цветаевой в 1941 году о Париже: «Про Бальмонта – он получил деньги, и жена Б<альмонта> в ресторане жалостно прижимала сумочку к груди» (ЗК, 278); ср.: «Маленькая, щуплая, худенькая, с одним уже съеденным туберкулезом легким, с вечным покашливанием, сухим и терпким, и с вечной папиросой, она не только жила, но была полна таких сил, такой энергии, такой выносливости – что оставалось только недоумевать, как все это вмещалось в этом хрупком, почти невидимом теле! Она своего Поэта – мало сказать – любила, она его боготворила. Только этим словом можно правильно определить ее отношение к Бальмонту. Мыслила она только о нем и только в связи с ним. Весь остальной мир для нее не существовал. Себя она поддерживала только папиросой и крепким, как чернило, чаем. Но Поэт должен был жить “в довольстве”... Это звучало несколько парадоксально при той нужде, в которой протекали последние их годы, но к этому всегда она стремилась: “Поэта должны достойно поддерживать. Поэту нужна жизнь нормальная”. Правда, иногда одной коробочкой шпрот Поэт обедал и питался вообще два дня. Но и эту коробочку нужно было раздобыть. И доставала ее Елена Константиновна. Вся жизнь ее протекала только в поисках всего того, “что необходимо было Поэту”». (Зеллер В. К. Д. Бальмонт (к восьмилетию со дня кончины) // Русская мысль. 1951. 5 января).

Чайковская Ольга Георгиевна (1917–2012) – историк, журналистка, правозащитница; 14 марта 1964 года: «В 9 ½ — Чайковская» (ЗК, 598); ср. ее воспоминания о единственной встрече: «Мне тогда пришло в голову, что есть возможность освободить [И. А. Бродского]: в то время председателем Президиума Верховного Совета СССР был Анастас Иванович Микоян; то было время, когда возвращались из лагерей, как мертвецы из могил, те, кому удалось выжить; иные из них попадали на прием к Микояну. Мне рассказывали, будто бы Анастас Иванович, уже старенький, все это тяжело переживает, что после подобного визита ложится в кабинете на диван лицом к стене и долго не встает. И подумалось мне, что тут единственная возможность обратиться к верховной власти (коли она действительно переживает и лежит лицом к стене). Если Ахматова с ее славой и обаянием придет к Микояну, может быть, из этого что-нибудь да получится? Мои соображения казались разумными. Лидия Корнеевна Чуковская договорилась с Ахматовой о встрече со мной – и вот я иду на свидание с той, кого люблю более всех других поэтов XX века.

Мои представления о ее внешности были основаны на многочисленных портретах, и прежде всего на самом, наверное, лучшем из них, том, что написан Натаном Альтманом. Анне Андреевне тут двадцать пять; она, мало сказать, худошава, костиста (торчат ключицы) и необыкновенно хороша. Сегодня она уже старая женщина, но все, знающие ее, в один голос говорят: королева! Королева в кругу придворных. Я застала ее с друзьями за обеденным столом (она гостила у них, это было где-то в Сокольниках), она встала и куда-то повела меня разговаривать. Она шла впереди, и я видела, как тяжело переваливается она на опухших ногах. Никакой королевы тут заметно не было.

Пришли мы в комнатку очень маленькую, едва ли не в чулан и едва ли не целиком занятую огромным зеркальным шкафом. Мы сидели напротив него, и зеркало отражало нас почти в натуральную величину, отчего казалось, что нас четверо – слишком много для этой комнаты. Я изложила суть дела, она ответила, что хорошо знает молодых ленинградских поэтов, все они у нее бывают, и Бродский среди них, безусловно, самый первый; и если это нужно, она пойдет к Микояну. Говоря все это, она чуть закинула голову, искоса взглянула на себя в зеркало, и рука ее бессознательно потянулась к янтарям на шее – крупным янтарям, не раз помянутым в различных воспо-

минаниях. Тут словно бы разом мелькнули в моем воображении ее портреты, включая альтмановский, на мгновение возник ее былой облик. И пропал. И была она прекрасней всех королев. Так судьба вознаградила меня за мой бесполезный труд.

А через некоторое время встретила я Сергея Наровчатова, поэта, он был в ту пору секретарем Союза писателей СССР.

– Какой-то идиот, – сказал он мне, – уговорил Анну Андреевну идти к Микояну просить за Бродского, я ее еле отговорил. И кто это придумал? Неужели люди не понимают, что весь Бродский не стоит одной минуты волнения Ахматовой, вредного для ее здоровья? (Того идиота, который все это придумал, я, разумеется, не выдала.)» (*Чайковская О.* Неточные, неверные Зеркала // Литературная Газета. 2001. 7–13 февраля).

Ср. записи Лидии Чуковской от 11 января 1964 года и последующие: «Единственная хорошая весть на “Бродском фронте”, какую я могла сообщить: Фридошка [Вигдорова] предложила своей приятельнице, Ольге Георгиевне Чайковской, часто выступающей в “Известиях”, взять командировку в Ленинград и попытаться там, на месте, выяснить, – что за темная история с дневником? Ведь это, наверное, тоже фальшивка... <...> Там Ольга Георгиевна добилась приема у секретаря Горкома т. Лаврикова. Анна Андреевна слушала и расспрашивала Фриду с большим вниманием. Повторяла вслух каждый вопрос Чайковской и каждый ответ Лаврикова. Взвешивала на точных весах. <...> По Фридиному совету Алена, то бишь Ольга Георгиевна Чайковская, побывала на приеме у Шубина, заместителя Льва Николаевича [Смирнова]. Надо использовать оставшееся до решающей минуты время, чтобы вооружить суд. Доклад Алены не весел, ее рассказ о встрече с Шубиным совсем выбил Анну Андреевну из колеи. (Раздраженная, слабая.) Алена советует Анне Андреевне срочно обратиться с письмом к Анастасу Ивановичу Микояну, чтобы в руках у него оказался высокий отзыв Ахматовой о поэте Иосифе Бродском. Он, со своей стороны, может повлиять на Смирнова. Ильичев и Толстиков распоряжаются Верховным Судом по своему усмотрению – надо создать противовес. (Нравится мне этот независимый Суд!) Анна Андреевна предложила нам такой план: она письмо Микояну напишет, но пусть присоединят свои подписи еще два поэта: Сурков и Твардовский. <...> Я сказала, что мысль обратиться

к Микояну дельная, но уж если Анна Ахматова свидетельствует, что Иосиф Бродский – поэт, какие и кому и чьи и какого черта требуются еще заверения? Какие еще Сурков и Твардовский, эксперты и эксперты? “Говорит Анна Ахматова”.

– Не наивничайте, пожалуйста, я этого терпеть не могу! – оборвала меня Анна Андреевна. – Вам не десять лет! Голоса Суркова и Твардовского для Микояна и для Смирнова гораздо более весомы, чем голос какой-то Ахметкиной. Наверху своя шкала ценностей. Ольга Георгиевна мне пересказала собственные слова Шубина: “Больше всех меня возмущают эти Маршак и Чуковский. О деле Бродского они представления не имеют, а пишут и пишут, что он, видите ли, поэт. А какой он поэт? Заумник и даже не член Группкома!”». (*Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. 1963–1966. М., 1997. С. 141, 155, 272–273); упомянуты Юрий Александрович Лавриков (1927–1991), доктор экономических наук, профессор, с 1959 года – секретарь Ленинградского горкома партии, Валентин Васильевич Шубин, зам. Председателя Верховного Суда РСФСР; см. публикаторские комментарии Л. Чуковской: «Гораздо позднее, в начале июля 1965 года, поступлено было так: телеграмма А. Микояну – тогда председателю Президиума Верховного Совета СССР – послана за тремя подписями: Анна Ахматова, Константин Паустовский, Корней Чуковский. Кончалась она словами: “Мы хорошо знаем творчество Бродского и считаем его одним из самых талантливых поэтов молодого поколения. Наши неоднократные обращения в разные инстанции остались безуспешными, и поэтому мы просим Вас вмешаться и восстановить нарушенную справедливость”». (*Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. С. 447). Ср. ахматовскую запись после освобождения И. Бродского: «Я рада, что осталась ему верна до конца (тел<еграмма> Микояну), хотя гордиться этим решительно не стоит» (ЗК, 669; с неверной конъектурой).

Чехов Михаил Александрович (1891–1955) – актер. В числе представителей ахматовского поколения, ушедших в эмиграцию (ЗК, 208). «Это единственный актер, которого вообще в жизни я видела» (*Лукницкий П. Н.* *Asumiana*. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. С. 81; в спектакле по пьесе Н. С. Лескова «Расточитель» в постановке А. Дикого); ср. о спектаклях ГОСЕТа: «[О]на гордилась, что пони-

мает текст, и хвалила Михоэлса, но все же упорно козыряла против него Чеховым». (*Мандельштам Н.* Вторая книга. М., 1990. С. 262); «А.А. видела двух выдающихся актеров – Шаляпина и Чехова. Чехов был гениален» (*Будыко М. И.* Указ. соч. С. 351).

Представляется уместным привести байку, которую Ахматовой, несомненно, приходилось слышать в доме Виктора Ардова (анахронизмы и несообразности, присущие этому жанру фольклора, не оговариваем):

«— Михаил Чехов неоднократно обращался к председателю ОГПУ Ягоде с просьбой разрешить ему временную поездку за границу. Ягода постоянно отказывал и тогда Михаил Чехов пожаловался своему хорошему товарищу Председателю Совнаркома Рыкову. А тот, хороший выдумщик, предложил разыграть с Ягодой следующий известный исторический анекдот.

Итак: сын покойного боевого генерала Белобородова, поручик Белобородов, пожаловался приятелю своего покойного отца князю Потемкину, что генерал Снегов по службе буквально издевается над ним, молодым офицером. Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический придумал великолепное решение этого дела: “Сегодня вечером у себя во дворце я буду играть в карты. Среди играющих будет и Снегов. Я подзову Вас, поручик, и спрошу совет, с какой карты мне пойти. А вы ответите мне как-нибудь совсем непочтительно”.

Вечером шла игра, Потемкин подозвал молодого офицера Белобородова и, показав карты, спросил, как, по его мнению, лучше пойти? Поручик нехотя и не совсем почтительно ответил князю и свободно отошел к группе офицеров. Когда генерал Снегов увидел, как Потемкин позволяет молодому офицеру вести себя с одним из первых лиц России, он понял, что у поручика какие-то личные отношения либо с самим Потемкиным, либо с Екатериной II. Больше поручик Белобородов никогда не испытывал на себе жесткий нрав генерала Снегова.

Такую же игру предложил Рыков Михаилу Чехову. Вечером в доме Рыкова были гости. Был и председатель ОГПУ Ягода. Ужинали. Потом Рыков и Ягода сели за шахматы, а Михаил Чехов сидел рядом и следил за игрой. Наконец Рыков спросил Чехова, как он считает – будет лучше сделать ничью или продолжить игру. На что артист МХАТа ответил: “Вы громадной страной управляете, а такой

ерунды сами решить не можете...”.

Услышав ответ артиста Председателю Совнаркома, Ягода на другой же день дал разрешение Михаилу Чехову выехать за границу. Оттуда, как известно, великий актер не вернулся».

Эту историю Ардову рассказала его жена Нина Антоновна Ольшевская, артистка МХАТа, впоследствии артистка и режиссер театра Советской Армии» (*Усач Л.* Великие смеются (смешные воспоминания). М., 1992. С. 8–9).

Швецова Людмила Климентьевна (1916–2008) – литературовед, сотрудница Института мировой литературы им. А. М. Горького. В библиографии – ее рецензия (ЗК, 576) на книгу А. Кулинича «Русская советская поэзия. Очерк истории» (М., 1963): «Он останавливается на творчестве поэтов и самых старших, таких, как А. Ахматова, И. Сельвинский, В. Инбер, и среднего поколения <...>, и самых младших...» (*Швецова Л.* Обобщение или упрощение? // Новый мир. 1964. № 9. С. 256).

Шишков Вячеслав Яковлевич (1873–1945) – прозаик, живший в Царском селе (ЗК, 132) на углу Московской и Церковной (Пролетарской). «Был салон и у писателя Шишкова, но там собиралась “своя братия” – писатели, мыслившие по-советски». (*Голлербах Л.* Еще о Царском Селе – “городе муз” // Новое русское слово. 1966. 19 июля).

См. например, письмо Иванова-Разумника 1926 года: «В эту осень в Царское Село вообще потянулись петербуржцы, и почему-то особенно писатели. Сологуб уехал, но в его комнатах теперь живет Ахматова, с декабря будет жить Шишков, в Лицее живет (заходил возобновить знакомство) Мандельштам, по-прежнему считающий себя первым поэтом современности» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. Подгот. текста Т. В. Лавровой, А. В. Лаврова, Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 410); письмо Андрея Белого 1931 года: «В Ленинграде почти не бываем; видим главным образом детскоселов, соседей (Шишковых, Петрова-Водкина и нек<оторых> других)» (Андрей Белый – Григорий Санников. Переписка 1928–1933 / Сост., предисл. и коммент. Д. Г. Санникова. М., 2009. С. 51), письмо К. А. Федина Е. И. Замятину из Детского Села от 23 дека-

бря 1933 года: «Ходит Шишков в белых штанах, в желтых башмачках с задранными кверху носиками, в пикейной жилеточке. Душа человек!» (Письма К. Федина к Е. Замятину / Публ. Г. Ермолаева и А. Шейна // Новый журнал. 1968. № 92. С. 198).

Ахматова и Шишков вместе входили в Правление петроградского отделения Союза писателей в начале 1920-х годов. Сохранился инскрипт на оттиске листка с фотографией М. Наппельбаума – фронтисписа из книги Б. Эйхенбаума «Анна Ахматова»: «Вячеславу Яковлевичу/Шишкову/в долготу дней/Ахматова. 20 февраля 1923» (хранилось в собрании А. М. Луценко). Встретаться в последние разы им довелось в бомбоубежище в сентябре 1941 года: «Многотрудные дни ленинградской блокадной зимы 1941–1942 года мне пришлось переживать вместе с Шишковыми в одном доме № 9 на канале Грибоедова. Перед занятием Пушкина фашистами Шишковы переехали в Ленинград и поселились в квартире № 87, во втором этаже нашего дома. И нам, как и всем жильцам дома № 9, приходилось отсиживать тягуче-скупные часы воздушных тревог в постылом тесном бомбоубежище. Вячеслав Яковлевич, в пальто, с книгой-рукописью “Пугачева” под мышкой (он писал на листах большого формата, по-видимому, какой-то конторской книги), сосредоточенно хмурый, молчаливый, сидел с Клавдией Михайловной и тещей Раисой Яковлевной. Рядом с Шишковым частенько можно было видеть и Анну Андреевну Ахматову. Глядя на ее мужественный профиль, мне невольно вспоминались строки из письма ленинградских женщин, под которыми в числе первых стояла подпись Анны Ахматовой: “Не сломить фашизму нашей твердости! Не испугать бомбами, не ослабить лишениями!”» (Раковский Л. Вячеслав Шишков // Белые ночи: О тех, кто прославил город на Неве. Л., 1971. С. 256; Воспоминания о В. Шишкове. М., 1979. С. 227). «Коридор под давящими сводами полон. Ни на кого не глядя, сидит с книгой профессор Б. Томашевский. В одном конце профессор Эйхенбаум, окруженный многочисленной семьей; в другом – закутанная в шерстяной платок Анна Ахматова, при близких разрывах бомб она вскрикивает. На полу мирно играет моя дочь и дочь поэта С. Спасского. Никаких признаков тревоги нельзя заметить у Вячеслава Яковлевича. Большею частью он с кем-нибудь беседовал, иногда шутил. И от этого окружающим становилось легче» (Завалишина Н. В Детском Селе // Воспоминания о

В. Шишкове. М., 1979. С. 168).

Справку о знакомстве Ахматовой с В. Я. Шишковым см. в примечаниях О. Е. Рубинчик к очерку О. И. Рыбаковой (с. 319 наст. изд.).

«Ш. хороший рассказчик-реалист, многообразно отразивший в своей прозе глубокое знание различных областей Сибири и интерес к народному языку. В романе “Ватага” (1924) он показывает жестокую разнузданность революции, выливающуюся в разбой, убийство и хаос. Роман был раскритикован и с 1927 не переиздавался» (*Казак В.* Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. Пер. с нем. Е. Варгафтик, И. Бурихина. Лондон, 1988. С. 858). «Весь роман кумачовый от крови; в нем уничтожают людей всеми способами: режут, рубят, пилят, колют, бьют» (*Тынянов Ю.* Литературное сегодня // *Русский современник.* 1924. № 1. С. 293); «Тематика “Ватаги” автором выбрана удачно: не фальшивая, Мейерхольдовская, а настоящая “земля дыбом” – стихийное восстание сибирских мужиков против Колчака – тот самый земляной большевизм, в котором Блок видел всю суть истории последних наших лет» (*Замятин Е.* О сегодняшнем и о современном // *Русский современник.* 1924. № 2. С. 266). «У него не было “лицейских” лет, не было экспериментаторства и резких кризисов. Его творчество развивалось спокойно, вровень с судьбой народа, которому он всецело принадлежал. В этих произведениях живет большой мир его героев с их страстями, в них вложено все богатство его красочного, узорчатого русского языка, в них зорко подмечены образы русской природы. Произведения Шишкова – плод не только большого таланта, но и большого, правильно организованного труда» (*Томашевский Б.* Живой Шишков // *Воспоминания о В. Шишкове.* М., 1979. С. 281). О самостоянии Шишкова как советского писателя можно судить по характерной реплике, по рассказу Н. Б. Томашевского: «он в конце войны молоденьким лейтенантом оказался в Москве, и его часто приглашали обедать Шишковы, недавно вернувшиеся из эвакуации. Клавдия Михайловна пекла очень вкусные пироги. Бывал там и Константин Федин (все они помнили Колю еще мальчиком, тесно общаясь в Ленинграде с его отцом, профессором Борисом Томашевским). И вот Федин сказал однажды, что, если бы ему дали *carte blanche*, он бы написал замечательную книгу о нынешнем времени, на что Вячеслав Яковлевич заметил в том смысле, что ничего бы у тебя, Костенька, не вышло, настоящие-то пи-

сатели карт-бланшу не просят» (*Ванишенкин К.* Писательский клуб. М., 1998. С. 445).

¹ Список соответствующих публикаций см. в приложении, с. 403–408 наст. изд.

² *Гончарова Н.* О так называемых «дневниковых записях» Анны Ахматовой // Вопросы литературы. 2011. № 3. С. 334.

³ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст. Э. Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных. М.; Torino: Einaudi, 1996. Далее ссылки на это издание по тексту (ЗК) с указанием страницы. Электронная копия данного издания размещена на сайте Некоммерческой электронной библиотеки «ImWerden». [Электронный ресурс]. URL: <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=2259>

⁴ См.: *Тименчик Р.* Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М.; Torino, 1996. [Рец.] // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 417–420.

⁵ Некоторые примеры интерпретационных недоразумений см. в публикациях: *Тименчик Р.* Путеводитель по «Записным книжкам» Ахматовой // Пермский сборник. М., 2009. С. 561–617; *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой (к вопросу о технических проблемах комментирования) // Лесная школа. СПб., 2010. С. 143–172.

⁶ *Лебедева М. Н.* Ахматова и Бродский. Йошкар-Ола, 2004. С. 12.

⁷ См.: *Тименчик Р.* Записные книжки Анны Ахматовой и генезис ее стихотворений // Этническое чтение I. Сб. ст. по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинда (27–29 июня 2000). СПб., 2003. С. 228–236.

⁸ *Коншина Е.* От редактора // Записные тетради Ф. М. Достоевского / Подгот. к печати Е. Н. Коншиной, коммент. Н. И. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. М., 1935. С. 30.

⁹ *Виленкин В.* Образ «ветра» в поэтике Анны Ахматовой // Вопросы литературы. 1995. № 3. С. 152; см. наше предположение о том, к какому «месту» в той же записной книжке относится припоминание о цитируемом В. Вилениным стихотворении: *Тименчик Р.* Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы. М., 2014. Т. 1. С. 481–482.

¹⁰ *Готхарт Н.* Двенадцать встреч с Анной Ахматовой // Вопросы литературы. 1997. № 2. С. 269–270.

¹¹ *Найман А.* Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 151.

¹² Там же. С. 71.

Приложение

К библиографии авторского проекта Именного комментария к «Записным книжкам» Ахматовой

1. К 65-летию С. Ю. Дудакова. История, культура, литература. Иерусалим, 2004. С. 221–234 (Баумволь Р. Л.; Вейнберг С.; Бен Ф.).

2. Quadrivium. К 70-летию проф. В. А. Московича. Иерусалим, 2006. С. 205–224 (Ависага; Галкин С.; Лотова жена).

3. Стих, язык, поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М., 2006. С. 614–639 (Бобров С. П.; Черубина де Габриак; Шенгели Г. А.).

4. «Я всем прощение дарую...». Ахматовский сб. СПб., 2006. С. 492–517 (Адалис А.; Арбенина О. Н.; Аренс В. Е.; Гринвальд М. К.; Ефименко Т. П.; Колесова Е. В.; Лившиц Б. К.; Лозинская Т. Б.; Моравская М. Л.; Персиц Т. М.; Тальников Д. Л.).

5. Эткиндовские чтения. II–III. СПб., 2006. С. 214–276 (Апт С. К.; Артемов А. Н.; Базилевский Н. Г.; Барнс К.; Бланков Ж.; Блок Л. Д.; Бобович Г. А.; Богданова-Бельская П. О.; Большухин Ю. Я.; Ботвинник Н. Б.; Боффа Л.; Буланже А.; Вернадский Г. В.; Глезер А. Д.; Горбатов А. Н.; Гудзий Н. К.; Дерингер А. А.; Ефрон С. А.; Кнорринг И. Н.; Костелянец Б. О.; Лилиева Л. А.; Ляховицкий А. Б.; Миклашевский К. М.; Морозова О. Г.; «Нелли»; Никитина Е. Ф.; Офросимов Ю. В.; Перфильев А. М.; Плоткин Л. А.; Попов Л. А.; Рабинович А. Я.; Рафалович С. Л.; Тимофеевский А. П.; Толстой А. Н.; Фоогд-Стойнова Т. Ф.; Человек из угрозыска; Чулков Г. И.; Штейгер А. С.; Эткинд Е. Г.).

6. Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 4. Симферополь, 2006. С. 142–180 (Бажанов Б. В.; Вулф В.; Горенко И. А.; Гумилева А. И.; Евтушенко Е. А.; Журавлев В. А.; Иванова-Романова Н. М.; Ивашкевич Я.; Ивич А. (Берштейн И. И.); Йонекава М.; Кузьмин А. В.; Линецкая Э. Л.; Недгар-Виленский Ю. М.; Нейман С. К.; Оттен Н. Д.; Посвянский П. Б.; Пресс Т. Н.; Рабинович (Раич) Е. И.; Рахел (Блувштейн Р.); Селиверстов И. В.; Тименчик Р. Д.; Томек В.; Тур Н. И.; Турганов Б. А.; Тырса Н. А.; Цюй Юань; Шумаков Ю. Д.; Шуплецов Б. В.).

7. На меже меж Голосом и Эхом: Сб. ст. в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. С. 331–346 (Дидона; Лафорг Ж.; Нерваль Ж. де).

8. Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 5. Симферополь, 2007. С. 156–189 (Головчинер Е. М.; Гольдштейн М. Э.; Квливидзе М. Г.; Клычков С. А.; Ландман М. Х.; Лансере Е. Е.; Лёвберг М. Е.; Левин Г. М.; Левин Ю. Д.; Левина Ю. И.; Левитин Е. С.; Либединская Л. Б.; Ли-Хунчанг; Майков А. Н.; Маршалл Г.; Садецкий А. А.; Сапаров М. А.; Стеллецкая К. К.; Чагин П. И.; Эвин Э. Э.; Юткевич С. И.; Якобсон Е. И.; Яровая В. (Кудрявцева В. Н.); Яхонтов В. Н.).

9. Пути искусства: Символизм и европейская культура XX века. М., 2008. С. 391–471 (Антоновский Ю. М.; Бородаевский В. В.; Вертинский А. Н.; Гофман М. Л.; Гржебин З. И.; Измайлов А. А.; Кривич В.; Кругликова Е. С.; Лодий З. П.; Мар С. Г.; Мочульский К. В.; Павлович Н. А.; Прокофьев С. С.; Редько А. М.; Розанов В. В.; Рубинштейн И. Л.; Тиме-Качалова Е. И.; Шелли Дж.; Ясинский И. И.).

10. Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 7. К 120-летию со дня рождения поэта. Симферополь, 2009. С. 37–82 (Айхенвальд Ю. И.; Аксенов И. А.; Баблер О.; Беляев Ю. Д.; Беньяш Р. М.; Браун Н. Л.; Герцык Е. К.; Дойл А.; Дони А.; Евсеева С. Г.; Заболоцкий Н. А.; Костин К. И.; Крейн А. З.; Марков К. К.;

Рубенс П. П.; Рывина Е. И.; Рыкова Н. Я.; Скукалек Р.; Софинский В. Н.; Фелипе Л.; Фиш Г. С.; Форд Д.; Харин И. Н.; Целков О. Н.; Чен Дж.; Чудакова В. В.; Шадрин А. М.; Шамурин Е. И.; Шошин В. А.; Штаммлер Х.; Эрик Л. Н.; Юнгер В. А.).

11. *Memento vivere*: Сб. памяти Л. Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 529–548 (Гитович С. С.; Кудрейко А. А.; Мегаев Г. Г.; Нейман Ю. М.; Одоевцева И.; Старокадомский К. Г.).

12. Пермьяковский сборник. Ч. 2. М., 2009. С. 561–617 (Багрицкий Э. Г.; Бану-Лахути Ц. Б.; Барашкова А. Ф.; Башинджагян Г. Х.; Башинджагян З. Г.; Беляков М. М.; Богданов-Березовский В. М.; Бурже П.; Вертинский А. Н.; Вишневская Н. А.; Вырубова А. А.; Мегаев Г. Г.; Миклашевский К. М.; Миндлин Э. Л.; Мурин Б. Ю.; Нерис С.; Николай II; Нолле Н. А.; Пятин С. Г.; Ремизов А. М.; Руманов А. В.; Самарин Р. М.; Слётов П. В.; Сорин С. А.; Судейкин С. Ю.; Троцкий Л. Д.; Эльснер В. Ю.; Юткевич С. И.; Ярмуш М. Ю.).

13. Лесная школа: Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поселок Поляны (Уусикирко) Ленинградской области, 2010. С. 143–172 (Апулей; Бордые Ж.-М.; Дорошинская Е. М.; Павлова К. К.; Познер В. С.; Полетаев Е. И.; Попов Г. Н.; Рогов В. В.; Сартр Ж.-П.; Слуцкий Б. А.; Чижевский Д. И.; Юркун Ю. И.; Яковлева Т. А.; Яшвили П.; Яшен К. Н.).

14. Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 8. Симферополь, 2010. С. 34–71 (Бердслей О.; Бруни Н. А.; Гофман Э.-Т.-А.; Долинин-Искоз А. С.; Дончин Ж.; Казанова Дж.; Кондрашев Г. Ф.; Нейгауз Г. Г.; Никулин Л. В.; Парни Э.; Саломея; Форш О. Д.).

15. Блоковский сборник XVIII. Россия и Эстония в XX веке: диалог культур. Тарту, 2010. С. 26–51 (Городецкая А. А.; Городецкий С. М.).

16. *Russica Romana*. 2010. Vol. XVII. P. 203–222. (Вишневский В. В.; Илия; Козырев С. П.; Метро А.; Мурузи А. Д.; Павлова (Палей) М. Э.; Соловьев С. Ф.; Эйфель Ж.).

17. От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011. С. 599–621 (Амусин И. Д.; Антиной; Брюно Г.; Д’Аннунцио Г.; Исая; Лавренев Б. А.; Орлов В. Н.; Павленко П. А.; Словеснов Н. А.; Эредиа Ж.).

18. Некалендарный XX век. М., 2011. С. 408–445 (Бобров С. П.; Брандыс К.; Гофман В. В.; Гоцци К.; Калиостро; Лансере Е. Е.; Огинская Л. Ю.; Фаммуз; Энценсбергер Г. М.).

19. Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 9. Симферополь, 2011. С. 109–145 (Ахмадулина Б. А.; Цирель-Спрингсон С. Д.; Якубович Д. П.).

20. Toronto Slavic Quarterly. Toronto, 2012. № 40. С. 366–387 (Чуковский К.).

21. Venok: In Honor of Stefano Garzonio. Stanford, 2012. P. 324–352 (Великий Немой; Каннегисер Л. А.; Козловский А. К.; Медный Всадник; Солсбери Г.; Чаплин Ч.).

22. Стих. Проза. Поэтика. Сборник к юбилею доктора филологических наук, профессора Ю. Б. Орлицкого. 1-е изд. New York, Айлурос (Айлурос), 2012. (Бицилли П. М.; Квятковский А. П.; Малахов С. А.).

23. История литературы. Поэтика. Кино. Сборник в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой. М., 2012. С. 430–452 (Зелинский К. Л.).

24. From Medieval Russian Culture to Modernism: Studies in Honor of Ronald Vroon. Frankfurt; M, 2012. С. 265–313. (Буренин В. П.; Вечный жид; Голенищева-Кутузова О. В.; Добин Е. С.; Костелянец Б. О.; Летучий Голландец; Наполеон; Неведомский В. К.; Пастернак Е. Б.; Поливанова А. А.; Селиверстов И. В.; Старостин А. П.; Степанов Н. Л.; Шварсалон В. К.).

25. «...Как в прошедшем грядущее зреет...». Полувековая парадигма поэтики серебряного века. М., 2012. С. 289–330 (Авраменко И. К.; Аллилуева С. И.; Анненкова Е. Б.; Долматовский Е. А.; Дымшиц А. Л.; Лоретти Р.; Никитина З. А.; Чеботаревская-Сологуб А. Н.; Шенгели Г. А.).

26. Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 10. Симферополь, 2012. С. 141–167 (Качанова-Лифшиц И. Н., Лифшиц В. А., Малышкин А. Г., Чулков Г. И., Юнгер Е. В.).

27. Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 11. Симферополь, 2013. С. 143–161 (Катаев В. П., Качалов В. И., Козин С. А., Рагозина С. И., Сарьян М. С., Сахар (Лидарцева) Н. Я., Топорнин А. Н.).

28. Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 12. Симферополь, 2014. С. 118–149 (А-това А.; Арцыбашев М. П.; Бенуа А. Н.; Домогацкий Б. С.; Евгеньев-Максимов В. Е.; Ершов И. В.; Иваск Ю. П.; Корнфорд Ф. К.; Ратгауз Г. И.; Фор П.; Яковлева Т. А.).

29. Acta Slavica Latina Estonica VII. Блоковский сборник XIX. Александр Блок и русская литература Серебряного века. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2015. С. 152–174 (Зенкевич М. А., Нарбут В. И.).

30. Литературная жизнь. Статьи. Публикации. Мемуары. Памяти

А. Ю. Галушкина / Отв. ред. В. В. Полонский; сост. М. П. Одесский, М. Л. Спивак. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 271–284 (Шкловский В. Б.).

31. Wiener Slawistisches Jahrbuch. 2018. Vol. 6. S. 207–235 (Воложенинов И. К.; Гатов А. Г.; Гербер А. Е.; Кощей Бессмертный; Малиа М.; Наринская Р. Л.; Овчаренко (Бондаренко) О. Т.; Отеро Сильва М.; Рахманов Ю. В.; Слонимский М. Л.; Струве Г. П.; Тюханова Л. А.).

32. Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. In Honor of Vladimir Khazan. Ed. by Lazar Fleishman and Fedor Poljakov (Stanford Slavic Studies. Vol. 48). Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2018. P. 29–44 (Аничков Е. В.; Гуль Р. Б.; Гумилева-Фрейганг А. А.; Марков В. Ф.; Оболенская О. А.; Сеземан Д. В.).

33. Slavica Revalensia. 2018. Vol. 5. С. 256–312 (Бунин И. А.; Геденова Н.; Горенко А. А.; Крученых А. Е.; Кутасова О. Д.; Незвал В.; Радимов П. А.; Черняк Я. З.).

34. Wiener Slawistisches Jahrbuch. 2019. Vol. 7. P.270-287 (Риттенберг С. А.; Рубенс П. П.; Филиппов Б. А.).

35. Slavica Revalensia. 2019. Vol. 6. P. 179–247 (Альтман Н. И.; Ариман; Бруни Л. А.; Григорьев Б. Д.; Ду Фу; Железнов П. Ф.; Кепов А. Г.; Малковати.; Ф. Нобори Сёму; Митурич П. В.; Морозов А. А.; Олоферн; Саянов В. М.; Сергеев Г. А.; Танеева Т. И.; Тищенко Б. И.; Шагинян М. С.).

36. Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2020. Vol. 8. P. 276–299 (Воронцов-Вельяминов Г. М., Галчинская Н.; Трифонова Т. К.; Унбегаун Б.; Юдина М. В.).

37. Slavica Revalensia. 2020. Vol. 7. С. 240–286 (Гнедич Т. Г.; Головин А. Я.; Драйвер С. Н.; Змай Й.; Хемингуэй Э.).

38. Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel. Edited by Lazar Fleishman, David M. Bethea and Плуя Vinitzky. Berlin: Peter Lang, 2020. P. 421–435 (Круг Вячеслава Иванова – Владимир Пяст).

39. Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 292–303 (Эфрос А.).

40. Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 355–364 (Ягода Г.).

41. Вяч. Иванов в контексте эпохи модернизма / Под ред. Д. М. Сегала, Н. М. Сегал-Рудник, О. М. Левитан и др. М., 2021 (Вяч. Иванов).

42. Русский модернизм и его наследие. Коллективная монография в честь 70-летия Н. А. Богомолова. М. 2021. С. 281–303 (Валерий Брюсов).

43. Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 362–381 (Верховский Ю. Н., Тиняков А. И.).

44. Пространство безграничной словесности: Сборник статей к 70-летию В. Е. Багно. СПб., 2021. С.437–447 (Эмиль Верхарн).

45. Летняя школа по русской литературе. 2021. № 1. С.107–128. (Астапов В. П., Гончарова Н. С., Дягилев С. П., Пугачева К. В., Хлоя).

46. Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2021. Vol. 9 (в печати) (Белкин В. П., Белкина-Попова В. А.).